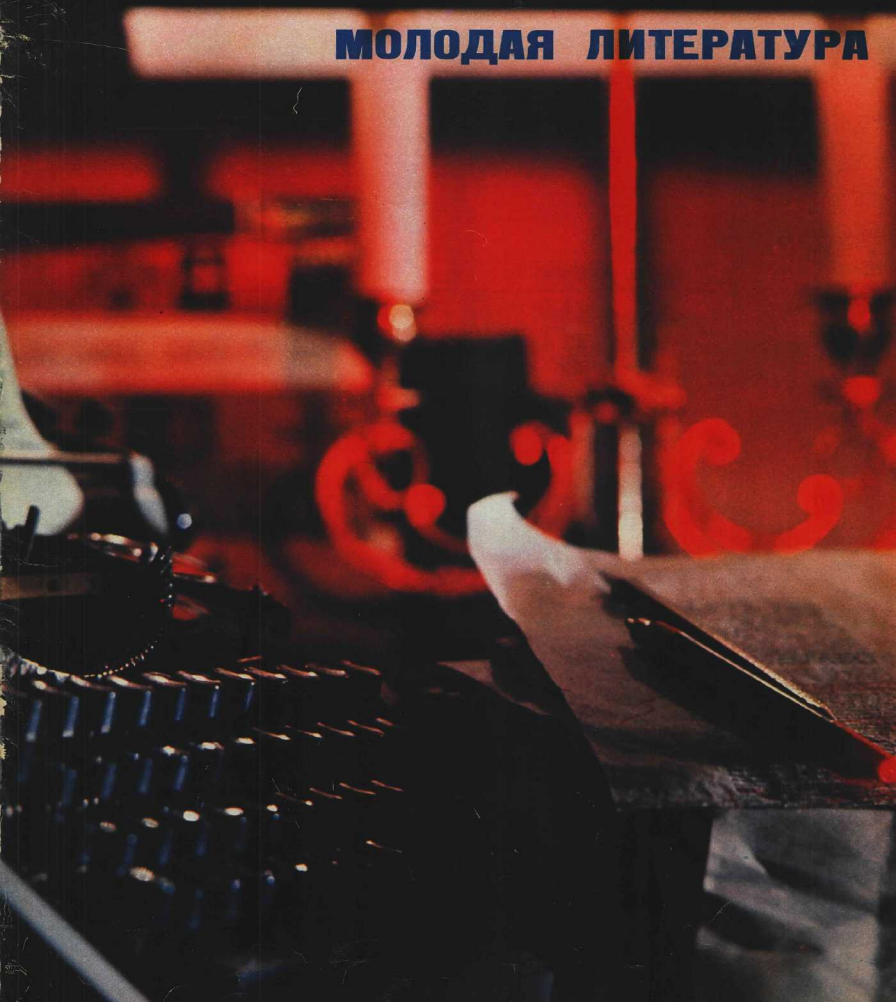

СМЕНА

№ 12 июнь 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

МОЛОДАЯ ЛИТЕРАТУРА

...ВЯЖУ, ВЯЖУ, ВЯЖУ...

Мы часто спрашиваем, как в себя писателя. Этого я не знаю. Но как я стал большевиком — это я знаю хорошо». Так говорил о себе Николай Островский. И эти его слова, пожалуй, могут быть своеобразным эпитафием и большой и многообразной сфере деятельности Ленинского комсомола, деятельности, если можно так выразиться, литературной.

С самых первых лет своего существования комсомол очень активно, очень четко и глубоко построил творческой итог литературного труда. Десяти молодежных газет и журналов, альманахов, сборников, повременных изданий, которые организовывал, которыми руководил комсомол в двадцать, тридцать годы, рождали свою комсомольскую поэзию, свою комсомольскую прозу. Вспомним поэзию юная комсомолочка — Александра Жарова, Александра Безменского, Евгения Домостовского, вспоминаем комсомольскую юность Бориса Горбачева «Иванка». Вспомним, наконец, первую голову совсем недавно, казалось, молодых бойцов — Николая Островского, Дмитрия Бурлакова, Александра Федосеева, Михаила Светлова, Иосифа Уткина.

дять семь лет. И зота на страницах нашего журнала — это рубрики, посвященные споту литературных сил молодежи, мы постоянно продолжаем такой спот, продолжаем заботливо и требовательно относиться к творчеству молодых.

Достижению этой цели служат многообразные формы сотрудничества, друбы комсомола с литературой.

Каков же это формал?

В последние годы наряду с традиционными Всесоюзными совещаниями молодых, которые проходят однажды в несколько лет и как бы подводит итоги целому периоду в деятельности творческой молодежи, ЦК ВЛКСМ совместно с Правлением Союза писателей РСФСР организовал ряд территориальных, или, как их принято называть, зональных, семинаров. Такие рабочие семинары проходили в Чите, Ижевске и Казани; создавались и тематические совещания, семинары писателей-маринистов, писателей, пишущих на военные темы. Подобные мероприятия, становящиеся как бы промежуточными, позволяют очень предметно, очень четко помочь молодым в непосредственной работе над рукописью, стимулировать интерес и тон или иной тем, позволяют выявить наиболее одаренных авторов. К примеру, читин-

сколенин, студенты и инженеры, писатели и слушатели, отличившиеся талантом, обращают в первые литературные произведения свой жизненный спит, констатируя их проблемы. В большую литературу придут лишь немногие из них, но литературная самодельность, прежде всего высокая общий образовательный и культурный уровень массы молодежи, тем не менее имеют выдвигнуть очень крепкое, обогащенное жизненным опытом литературное пополнение.

Говоря о соединении литературного труда молодого писателя с жизнью, с участием его как гражданина в многообразных формах общественной жизни, следует подчеркнуть огромную заботу комсомола об этой части жизни писателя. Творческие семинары, в которые комсомол широко направляет молодых прозаиков, поэтов, публицистов; создание оперативных, связанных с важными событиями в жизни народа явил, примером которых может служить наш литературный том «Страницы открытые» (Западно-Сибирское книжное издательство), посвященный молодым ифганинам Западной Сибири и явившийся своеобразным творческим откликом писательской молодежи на

Л И Т Е Р А Т У Р А Д О В О Д И Т

Вспомним эти славные имена, перечень которых, конечно, далеко не полон, обращаясь к истории, к дию прошлому, давайте подчеркнем еще раз те слова Николая Островского — о пути в литературу и о пути в партию. И о том, что было всегда верным для советского писателя.

Партийность. Это высоко — слово — краеугольный камень в отношении комсомолка и произведенным литературой, краеугольный камень в работе комсомолка с молодежной литературой. Сто миллионов советских людей прошли школу воспитания в Ленинском комсомоле. Среди них — многие сотни писателей. Они вспоминают свои комсомольские годы как время горячей работы, как время первых побед. И в этих победах, в первых изгнанах, испиленных в далекие годы, помощь Товарища Комсомола была и необходима и неизбывна.

Много лет назад, в 1934 году, в канун Первого Всесоюзного съезда советских писателей, «Смена» писала о спот молодежи литературной сил. Начиная прозаиком и поэты делились своими творческими влечениями, обсуждали вопрос о том, как создать прославленную и замечательных проблем жизни комсомолка и молодежи, печатали творческие портреты своих коллег, говорили о каждом горячо и задержно. Прошло три-

дцать лет, и в канун Первого Всесоюзного съезда советских писателей, «Смена» писала о спот молодежи литературной сил. Начиная прозаиком и поэты делились своими творческими влечениями, обсуждали вопрос о том, как создать прославленную и замечательных проблем жизни комсомолка и молодежи, печатали творческие портреты своих коллег, говорили о каждом горячо и задержно. Прошло три-

дцать лет, и в канун Первого Всесоюзного съезда советских писателей, «Смена» писала о спот молодежи литературной сил. Начиная прозаиком и поэты делились своими творческими влечениями, обсуждали вопрос о том, как создать прославленную и замечательных проблем жизни комсомолка и молодежи, печатали творческие портреты своих коллег, говорили о каждом горячо и задержно. Прошло три-

дцать лет, и в канун Первого Всесоюзного съезда советских писателей, «Смена» писала о спот молодежи литературной сил. Начиная прозаиком и поэты делились своими творческими влечениями, обсуждали вопрос о том, как создать прославленную и замечательных проблем жизни комсомолка и молодежи, печатали творческие портреты своих коллег, говорили о каждом горячо и задержно. Прошло три-

дцать лет, и в канун Первого Всесоюзного съезда советских писателей, «Смена» писала о спот молодежи литературной сил. Начиная прозаиком и поэты делились своими творческими влечениями, обсуждали вопрос о том, как создать прославленную и замечательных проблем жизни комсомолка и молодежи, печатали творческие портреты своих коллег, говорили о каждом горячо и задержно. Прошло три-

дцать лет, и в канун Первого Всесоюзного съезда советских писателей, «Смена» писала о спот молодежи литературной сил. Начиная прозаиком и поэты делились своими творческими влечениями, обсуждали вопрос о том, как создать прославленную и замечательных проблем жизни комсомолка и молодежи, печатали творческие портреты своих коллег, говорили о каждом горячо и задержно. Прошло три-

дцать лет, и в канун Первого Всесоюзного съезда советских писателей, «Смена» писала о спот молодежи литературной сил. Начиная прозаиком и поэты делились своими творческими влечениями, обсуждали вопрос о том, как создать прославленную и замечательных проблем жизни комсомолка и молодежи, печатали творческие портреты своих коллег, говорили о каждом горячо и задержно. Прошло три-

дцать лет, и в канун Первого Всесоюзного съезда советских писателей, «Смена» писала о спот молодежи литературной сил. Начиная прозаиком и поэты делились своими творческими влечениями, обсуждали вопрос о том, как создать прославленную и замечательных проблем жизни комсомолка и молодежи, печатали творческие портреты своих коллег, говорили о каждом горячо и задержно. Прошло три-

дцать лет, и в канун Первого Всесоюзного съезда советских писателей, «Смена» писала о спот молодежи литературной сил. Начиная прозаиком и поэты делились своими творческими влечениями, обсуждали вопрос о том, как создать прославленную и замечательных проблем жизни комсомолка и молодежи, печатали творческие портреты своих коллег, говорили о каждом горячо и задержно. Прошло три-

дцать лет, и в канун Первого Всесоюзного съезда советских писателей, «Смена» писала о спот молодежи литературной сил. Начиная прозаиком и поэты делились своими творческими влечениями, обсуждали вопрос о том, как создать прославленную и замечательных проблем жизни комсомолка и молодежи, печатали творческие портреты своих коллег, говорили о каждом горячо и задержно. Прошло три-

дцать лет, и в канун Первого Всесоюзного съезда советских писателей, «Смена» писала о спот молодежи литературной сил. Начиная прозаиком и поэты делились своими творческими влечениями, обсуждали вопрос о том, как создать прославленную и замечательных проблем жизни комсомолка и молодежи, печатали творческие портреты своих коллег, говорили о каждом горячо и задержно. Прошло три-

решения XXV съезда КПСС, участие молодых писателей в молодежной печати — все это, безусловно, помогает литераторам активнее атрговаться в различные сферы жизни, обогащать прозу и поэзию дальним содержанием дня.

Тридцать семь лет назад, в июне 1934 года, «Смена» вышла с известным портретом Алексея Николаевича Горького на обложке. Это было накануне открытия Первого Всесоюзного съезда писателей. У съезда состоялся писательский съезд посвященный всей номер, «Молодая смена советской литературы» — так называемый пятый этап всей деятельности комсомолка, направленной на коммунистическое воспитание молодой литературной сменя, будущего советской многонациональной литературы.

Естественно, в этом журнальном номере, посвященном южному молодой советской литературы, мы смогли рассказать лишь о части многообразного и сложного процесса. Молодая порось литературы талантлива и многообещающа, она в развитии, в динамике.

И можно быть уверенным, что, обогатив себя наследием мастеров, багатом высокой партийности и идеей, молодая смена станет достойным пополнением советской литературы.

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СМЕНЫ»

**МЫ ЗНАЕМ УСПЕХ ПЕРВОЙ КНИГИ:
КАК ЧАСТО ИЗ САМОЙ ПЕРВОЙ ЖИЗНИ
МОЛОДОГО ЛИТЕРАТОРА ПРИНОСИТ
СВЕЖЕЕ СЛОВО, СОЦИАЛЬНУЮ ПРОБЛЕМУ,
ИСПОВЕДЬ СВОЕГО ПОКОЛЕНИЯ,
ИТАК, ПЕРВАЯ КНИГА СОСТОЯЛАСЬ.
НОВАЯ ИМЯ ПОЯВИЛСЯ В ЛИТЕРАТУРЕ.
А ЧИТАТЕЛЬ ЖДЕТ
ВТОРУЮ, ТРЕТЬЮ, ЧЕТВЕРТУЮ КНИГУ...
ЧАЩЕ ВСЕГО ОЖИДАНИЯ ЧИТАТЕЛЯ НЕ НАПРАСНЫ,
НАДЕЖДЫ ЕГО НЕ ОПРОМЕТЧИВЫ,
И В СУДЬБЕ ЛИТЕРАТОРА МНОГОЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ
ИМЕННО ЭТИ «ПОСЛЕДУЮЩИЕ» КНИГИ,
ГОВОРЯЩИЕ О РОСТЕ
МАСТЕРСТВА ПИСАТЕЛЯ,
О БОЛЕЕ УГЛУБЛЕННОМ И СЕРЬЕЗНОМ
ИЗУЧЕНИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.
ОБ ЭТОМ — НАШИ БЕСЕДЫ.**

Евгений ДУБРОВИН

КОТОРАЯ ПО СЧЕТУ...

У меня замысел первой книги романа легло и сразу. После окончания Свердловского государственного института я работал под Воронежем и иногда приезжала в город в командировку. И вот однажды наду по улице и вижу: из коммуникационного аэока тарандится на меня залузная, очень знакомая физиономия, только не могу вспомнить, где я ее видел.

— Привет! — кричит физиономия и весело так машет мне гаечным ключом. — На селе вкалываешь?

Я застыла от изумления. Это был парень с нашего курса.

— Ты что здесь делаешь? — спрашиваю.

— Как что? Не видишь? Слесарь по канализации.

— А как же диплом?

Парень испуганно огаулялся.

— Т-с-с... У меня всего четыре класса.

Так я встретился с прототипом своего героя Вадима Кобзюкова. Парень рассказал мне, какую полую лишний и опасностей жизнь ведет он и те кто, не поехав по назначению, остался в городе. На них «охотится» райком комсомола, усильно «отлавливает» своих питомцев институт. Ни на тыщи сломать их в киво... Единственная надежда — жениться на до-

чери какого-нибудь большого государственника...

Сюжет был найден. Писалась «Грибы на асфальте» легко, мне самому было интересно, что будет дальше. Я уж грешным делом стал придумывать, что написать книгу не такое трудное дело, как это принято считать. Заранее торжествуя, и стал читать повесть друзьям и знакомым. И стали происходить удивительные вещи. Там, где надо смеяться, никто не смеялся, там, где надо должно появиться слеза, глаза друзей оставались сухими. Мне стали давать различные советы. Просто даже удивительно, сколько мне надавали советов. Некоторые вообще качали головами, сомневаясь, то ая и пишу, что надо писать: какое-то общество жеников, освобожденный председатель... Не послужал ли это дурным примером для выпускников вузов? «Может быть, бросить ты эту сатиру», — говорил мне, — да напишешь лирическую повесть, про любовь!» У меня зашевелился сомнение. Перо валовало из рук. Может быть, я и вправду пишу не то? Может, лучше написать про любовь?

Наверно, так бывает с каждым начинающим, с каждой первой книжкой. Один выходит из этой полосы: сомнений, переживания, другие гибнут как писатели. Первая книжка — это, по моему, проверка молодого писателя на

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года

Выходит два раза в месяц

№ 12 (1038)

ИЮНЬ 1971

ОБЛОЖКА РАБОТЫ ВАСИЛИЯ
МИШИНА И ГРИГОРИЯ ТЕРЗИ-
БАШЬЯНЦА.

3

О ГЕРОИЧЕСКОМ.

Беседа
с секретарем Правления
Союза писателей СССР
Борисом ПОЛЕВЫМ.

8

ПЛАВКА.

Рассказ о том,
кто варит сталь
и пишет стихи.

12

ТАРХАНЫ.

Здесь начинается
Лермонтов.

29

ПАРУСА НАШЕГО ДЕТСТВА.

Писатель КРАПИВН
и его «Каравелла».

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ. РЕПОРТАЖ С МИНСКОГО АВИАРЕМОНТНОГО ЗАВОДА

ЛЕСТНИЦА, ВЕДУЩАЯ К ПРАЗДНИКУ

ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ: ГАНГСТЕРИЗМ

ПРОБЛЕМЫ БИОФИЗИКИ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКТОРЫ: В. С. Абшин, Г. П. Енисеев, Н. Н. Замощин, А. П. Купцов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкая [заместитель главного редактора], В. Г. Победоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябинин, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], В. Е. Томашевский.

Художник Г. С. Терзибашьянц

Технический редактор Н. И. Будкина

прочность, и писать ее, наверно, легче, чем остальные, потому что твоей работе постоянно сопутствует радость. Унаимение первая, тем что тебе легче открывался.

На мой взгляд, первая книжка всегда более эмоциональна, более наивна, но за счет этого и более свежа, автор работает над ней методами «проб и ошибок», доходя до всего своим умом. Затем появляется опыт. Вторая книга более профессиональна, более зрела. Но не теряет ли она чуть-чуть от этого?

Опыт не позволяет уже проходить мимо того, мимо чего раньше проходила не задумываясь. Вторая моя книга более продуманная. Писатель постепенно рассказывает о том, что у них в детском садике кладутся хлебком. Рассказывает мимолетом, как о чем-то задушевно. Отчет отчета. Сын не так опаренно. Отец отцу. Неужели из-за хлеба? Да его у нас навало! «Все равно надо ухватить хлеб!» Почему? — наивно удивляется ребенок. А я и в самом деле — почему? Постоянно ценить только то, что когда-то терял. Ребенок не терял хлеба. Жестко, конечно, ставить над ним эксперимент. Лучше рассказать,

как это было у нас, в годном последнем детстве.

Так появилась повесть «В ожидании вояки» от героев, двум братьям-подаркам, рожденьем которых уехали за горы и погибли, неожиданно пришлось решать проблемы, которые раньше решал за них взрослея: проблемы доброй хлеба настоящего, долга, ответственности перед собой и людьми. Происходит неожиданная переоценка ценностей, не каждый взрослый может выдержать неожиданную переценку ценностей, а у ребенка и говорить нечего...

Третью книгу, «Племянник гипотизера» — сборник повестей, своеобразный отчет первого этапа творчества, отчет перед самим собой и читателем. Отчет, может быть, и не во всем утешительный, но необходимый, чтобы осмыслить свои слабые стороны и идти дальше. По-моему, у большинства третья книга — итог.

Со временем все лучше понимается суть человеческого бытия, становится отчетливо, что может дать лишь возраст, опыт. «Заманты» на свои страсти настоящего, живого человека — наверно, голубая мечта каждого литератора...

Илья АБРАМЕНКО

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕДАКТОРА...

Мне не кажется правильной постановкой вопроса о том, когда начинается писать: с первой книги или со второй? А может быть, с третьей? А может быть, вообще без издания книги.

Легче судить о том, когда начался писатель, имея перед собой уже многолетний путь человека в литературе. И очень трудно сказать, когда начал этот человек только начинать.

Бывают великоколепные заявки без сколько-нибудь интересных предложений, являют писатели одной книги, одной темы и с широким жанровым тематическим диапазоном. Бывают литературные моды и тиканы, незаметные внешне. Все это, вероятно, и так, и иначе, без которого не может жить общество.

В 1938 году заявил о себе в литературе очень молодой тогда человек Леонид Мариков. «Повесть о суровом детстве» начинающую, как принято говорить, тогда литераторы была опубликована одновременно в журнале «Знамя» и в газете «Отдых», «Шахтерское сердце», — но говорили о Марикове все-таки по первой книге. Но без третьей, третьей, четвертой он не пришел бы через 25 лет к созданию новой повести, «Судьба Илюши Барабанова», которая так же, как и «Повесть о суровом детстве», сразу же покорила сотни тысяч читателей. И все-таки, мне кажется, что именно с первой книжки начался писатель Леонид Мариков.

С первой же книжки «На берегу Черемушки» определился Владимир Коронатов. Была она тогда комсомольским журналом, и ее повесть дышала молодостью, комсомольским задором. И у себя дома, когда не было Коронатов-журналиста, не было бы сейчас Коронатов-писателя. Но что неведано в «Молодой гвардии» вышла повесть «Судьба Елены», которую написал Нины Камышевой. И выяснилось, что именно эта книга была задумана раньше всех других книг и что раздумья над материалом этой книги привели, по будням Коронатову к писательскому труду.

Мне помнится приход в издательство Ленинградского издательства Кунина. В те годы, в одну из редакций издательства читала только рукописи никому не известного Кунина. Одним из них было одно, другим другим, но все сходило на то, что это настоящая литература. Кунина заставили принести все, что у него было. Много отослал — сырые. В книгу отослали две повести — «Окно» и «Поминуточка» «Бомбардировщик» и «Я работаю в такси», а также рас-

казы, которые составили раздел «Про широк не про широк».

Работа уже над второй книгой Кунина, мы поняли, как действительно важно было ускорить его встречу с читателем. Она дала ему ощущение той огромной ответственности, которую он возложил на себя, взявшись за перо, дала почувствовать меру своего таланта и тяжесть писательского труда.

Совершенно иной совет в отношении другого начинающего автора дал Л. Кассиль, будучи руководителем семинара на IV совещании молодых литераторов. «Не спешите с этим человеком», говорил Кассиль, подводя итоги работы семинара и давая характеристику каждому участнику. Это был негустой и выцветавший газетчик. Вышедшее уже книга не в свет. Думается, что по ней нельзя судить о его таланте. В нем еще пробуждается художник. Когда человек приходит к нам в редакцию, чтобы вести его на поводу, он долго не встанет на ноги. Все примерно так и произошло. Когда собралась первая книга (вернее повесть) Кунина, то в ней так точно, как повелось еще одна — талантливая, настоящая писательская книга.

Недавно в издательском плане мне встретилось имя Периски Тарасовой. Это был удивительно и радостно. Еще совсем недавно Лариса была школьницей и делала первые, робкие шаги в поэзии. И вот уже самостоятельную книгу. Не раздумывайте, ребята! Если человеку есть что сказать людям, если зорен его глаз и слово ему послушно, почему же отдаст свой поэтический талант на откуп чужим?

Может быть, разговор о становлении писателя подрывает и вопрос о том, когда человек имеет право быть удивительно и радостно, терпеливым другом. Поставить этот вопрос можно. Но остается на каждый раз каждым человеком по-своему. Такие писатели, как «Молодой гвардии» Геннадий Алласов, очень долго не переходили на исключительно литературную работу. Им это было необходимо. Но это не значит, что все должно поступать только так. Литературное творчество требует от человека всех без остатка умственных, духовных и физических сил. При этом предполагается меньшее участие в жизни и делах общества. Потому литература вправе требовать всей жизни от человека.

Еще мне хотелось бы посоветовать не то, что наша творческая индустрия имеет очень смутное представление о специализации, если хочешь, в писательском труде. Нам ведь нужны не только романисты или поэты, но ученые и блестящие критики, литературоведы, мастера самых разных повествовательных жанров, новеллисты и юмористы. Надо пробовать писать в разных жанрах, разном направлении, чтобы найти наиболее полное применение своему таланту.

Вадим КОЖИНОВ

ВЕЛИКИЙ ИСТОЧНИК

общие отдельные и обстоятельные разговоры заслуживают талантливые поэты малых народов нашей страны, органически объединившие в себе своеобразие национальной культуры и острую, своеобразную восприимчивость от великого источника русской поэзии. В этом номере «Смех» мне бы хотелось выделить на волнующей меня тему проблему задания в первой книге на русском языке поэтов, уже не увидевших себя на родном, но в стольном издательстве детерминированных впервые.

В этом вышнем деле досаднее всего несовершенство, случайность, выбор, ремесленный подход к делу переводчика, которому поручена эта важная работа. Конечно же, такая книга — первая на русском языке — должна быть совместным и серьезным трудом поэтов-братьев: все начинается с крошечной заинтересованности русского поэта в судьбе своего соотечественника, собрата по перу. Я знаю давно Мушину Ласурия — абхазского поэта, изданного на родном языке три книги. Но вот первая — первая на русском языке — Мушину не один год готовился к этому событию. Он стремился и сам постигнуть великий язык, понять его законы, прикоснуться к великому, к Пушкину и Лермонтову. Все произошло так, как и должно было произойти: русская поэзия обогатилась абхазского поэта, ретельным образом повлияла на формирование его мировоззрения, стала великим источником вдохновения, привлекательным и необходимым: не так издавал «Литературная газета» сообща-

шила, что Мушина Ласурия блестяще перевел «Евгения Онегина» и «Мцыри». Такая типичная работа, значительно обогатившая национальную культуру, сделала для Ласурия издание книги собственных стихотворений на русском потребностью. Ему теперь нет покоя, он ждет увидеть и прочесть свои стихи на языке Пушкина и Лермонтова. Оговорюсь: не всегда столь серьезно складываются обстоятельства творческой заявки национальную культуру, особенно в виду эту сторону дела. И подобные обстоятельства не обязательные условия для перевода книги на русский. Но я взял пример наиболее полный и значительный для жизни современной советской литературы.

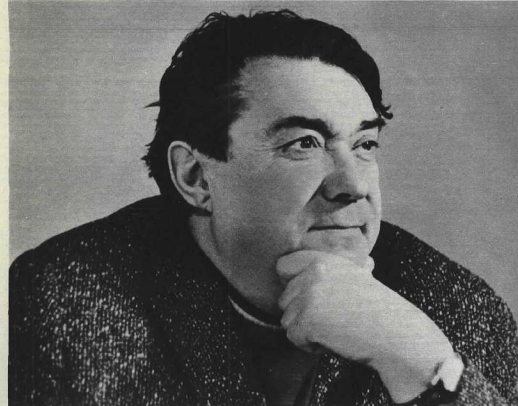
Отрадно, что Мушину Ласурия пошел петербургский переводчик Александр Шелюпериди, не отступая ни на йоту от оригинала, сумел передать русского стиха выразительность своеобразия его поэтики. Принцип целиком короткое стихотворение о шелкопряде, переведенное, как и другие стихи, Анатолием Передеревым:

Шелюпериди своим стихам был занят и Шелюпериди поднимал все выше... И когда себе шелюпый выстроил.

Многа умер, никто не услышал. И когда шелюпый выстроил. Даже дома не стало — один только шелюпый.

Передерев понял и бережно сохранил почти разговорной речи, фольклорные истоки поэзии Ласурия. Вот и хотелось бы, чтобы, берясь за перевод, русские поэты прежде всего стремились воспринять своеобразия национальной поэзии.

О СТРОИТЕЛЕ

С секретарем Правления
Союза писателей СССР
Борисом Николаевичем ПОЛЕВЫМ
беседует
специальный корреспондент
журнала «Смена»
Альберт Лиханов

Сомнений не было. Выбирая писателя, чье творчество — гимн героизму советского человека, мы единогласно сказали: Борис Полевой. Да и в самом деле, не говоря уж о поистине легендарной «Повести о настоящем человеке», выдержавшей сотни изданий на разных языках мира, перу Бориса Полевого принадлежат такие книги, как «Мы — советские люди», «Золото», «Доктор Вера», «На диком бреге...», каждая из которых неизменно обращена к подвигу и героике.

«Повесть о настоящем человеке», вошедшая в сокровищницу советской литературы, стала поистине легендарной: на выставке книги я видел ее, пробежал путь, — она принадлежала молодому вьетнамскому партизану, который погиб героем: я видел рассказы «Мы — советские люди», переписанные от руки, — книга послужила молодым бойцам Вьетнама в дни их исторической битвы у Дьен Биен Фу. «Повесть о настоящем человеке» и ее герои — Алексей Маресьев, как бы выйдя из-под авторского контроля, самостоятельно шагают по миру, уловная на собой людей. Так поднимает бойцов в атаку бесстрашный командир.

Созваниваясь с Борисом Николаевичем Полевым о встрече и о теме нашего разговора, мы сошлись на том, что и «Смена» и Полевому было бы интересно проследить, как и куда талется злит героического из прошлого в сегодняшнее и будущее. Что общего и какая разница в природе самого героя и в прозе разных лет, посвященной героизму советских людей.

И я попросил Бориса Николаевича проанализировать моральные основы советского героя.

— Ну, что же, это, как мне кажется, трудно сделать, ибо мы, советские люди, живем в социалистической атмосфере, в стране, которая с первых же дней своего существования и на всех этапах своей истории просто-таки пере-

насыщена примерами человеческого героизма, мужества, самоотверженности. Народ-герой — это не лозунг, не заголовок передовой. Это оценка нашей ой нами действительности.

«Отдай живот свой за други своя» — это ведь всегда было светлой мечтой человечества. Мечта эта родилась и была записана еще при рабовладельческом строе. Потом был феодализм. Его сменял капитализм. Однако фраза эта, которую знает половина человечества, так и оставалась фразой. Прометей и Давид существовали лишь в идеале. И только сейчас мой, спустя две тысячи лет, в условиях социализма, это перестало быть красивой мечтой и нашло и все время находит живенное воплощение.

Основа героизма нашего народа в социалистическом строе, в нашем советском бытии.

— Годы два назад, Борис Николаевич, в «Смене» было напечатано интервью с летчиком-испытателем, Героем Советского Союза Владимиром Ильичиным. И вот какую любопытную мысль о подражании герою он высказал: «Подражание — это как крик для альпиниста: забрал — подталкивал, помыл крюк на полметра выше... Меня сначала «слюдили», например, Малчиш Кибальчичи, потом Корчагин. Менялся сам, менялись герои, которым хотелось подражать. Мужрецы советуют: обменяйте надежды на знания. Так надежнее. Всегда наступает момент, когда надо уже не подражать, а смотреть, что же поучительно на самом деле. Главное — хоть потихоньку, но двигаться вперед. Остановка — то самое мгновение, что подарило бы Фаусту черту».

— Мой друг Володя Ильичин, которого я знаю немало лет, жизнь которого — чудесный материал именно для героического повествования, он не только удивительный летчик-испытатель, но в какой-то степени уже и писатель, автор нискологических новелл из жизни своих крылатых собратьев, употребил правый, но, как мне кажется, не вполне точный образ. Альпинист, карабкающийся по ска-

лам от крюка к крюку, карабкается в одиночку. Нарастание советского героизма, думается мне, лучше представляется эстафетой, в которой жеолом, переходящим от бегуна к бегуну, является народный подвиг. Известно, что Пашку Корчагина, как, вероятно, и самого Николая Островского, на подвиг вдохновил Овод из книги Бойнич. Книга Островского, в свою очередь, вдохновляла молодогвардейцев. Ну, а подвиг молодогвардейцев продолжает вдохновлять уже миллионами молодых людей сегодняшнего дня. Эстафета подвига в странах социализма движется как бы на нарастающей, становится все более массовой. В данном случае она началась с одиночного бегуна — Артура. Его жила подхватили сотни комсомольцев времен гражданской войны, а в дни войны Отечественной этот жедал несли уже миллионы советских юношей и девушек. Среди них и молодогвардейцы, и московская школьница Зоя, и Виктор Талаликин, и Александр Матросов, и Алексей Маресьев. Проходят годы, десятилетия, меняются маршруты и цели этой эстафеты, а она идет и идет, и в дни войны и в дни мира, и жезл уже перешел из рук героических дедов героическим внукам.

— Несколько лет назад мы вместе с историком Виктором Шитковичем поспешили в дорогу к печати книгу неизвестных ранее писем Николая Островского к своему другу Петру Новикову. Писема эти, когда я впервые прочел их, потрясли меня. Николай Островский, как бы стяхнув с себя хрестоматийный глинец, предста передо мной совсем по-новому: еще ярче, а главное, еще достоверней и человечей, чем прежде. После этого я составлял духомники «Писема из Сибири», куда входили письма соратников Ленина, будущих героев революции и Октября, из сибирской ссылки. Сколько мужества, истинного героизма! Когда я говорил эти книги, не раз думал: как можно поистине гигантское духовное, героическое наследие, какие высокие эталоны неувяданного мужества оставить втуне благодаря нашей, простите, этической бес-

хозяйственности! Кто, к примеру, из нынешних школьников читал потрясающие письма Чернышевского к сыну, Засловеру — к матери, Шауляму — родным? Помню, с каким восторгом читались письма Кирова к жене, напечатанные в «Юности», или письма героя наших дней Володи Корнилова — артиллера и мотострелка.

Мне кажется, воспитывать героям, думая об этом всерьез, мы должны использовать багаж предыдущих поколений — нравственный, духовный, этический.

Что вы можете сказать, Борис Николаевич, о рачительном, о хозяйском, если хотите, отношении к героическому наследию нашей страны? — Вы правы, конечно. Подвиги наших дедов, отцов, подвиги людей моего поколения и поколения моих детей — это наше национальное достояние. Когда вы задали этот вопрос, мне вспомнился поучительный урок, который в разгар войны я, тогда военный корреспондент «Правды», получил в своей редакции. Было это в феврале 1942 года. Мне поручилось писать о подвиге подвига великодушевого крестьянина Матвея Кузьмина, повторившего в новых условиях то, что сделал когда-то славный кусторемек Иван Сусянин. По горячим следам я написал об этом заметку в «Правду» и своевременно передал ее. Она вышла вместе с сообщением Советского Информбюро об этом подвиге, а это считалось у нас, корреспондентов, шиком. В первый же мой приезд в Москву меня вызвал к себе редактор «Правды». Визу, на столе у него лежат номер газеты с моей заметкой о Матвее Кузьмине. Увидел и взвизгал духом: ну, будет хвалить. А вышло наоборот.

— Это интересный материал, — сказал мне редактор. — Но разве ТАК мы могли в ДОЛЖНЫМ блэк об этом написать! — И обобщил: — Я и вам и всем военным корреспондентам советую: записывайте, подробным образом

записывайте все выдающиеся подвиги, свидетельства которых вы становитесь. Записывайте не только сам факт, но адреса, даты. Это наш долг. Это, если хотите, наша партийная обязанность. Как важно, чтобы в суматохе этой человечески трудной войны ничего бы не потерялось, чтобы не только мы сейчас, но дети, внуки наши знали, как советские люди защищали социализм.

Это был добрый совет. С тех пор я веду запись, и из них, из этих записей, потом и родились также мои книги, как «Золотая», «Повесть о настоящем человеке», «Доктор Вера», «Мы — советские люди».

Маленький личный пример. Но он, как мне кажется, показывает, что вы правы в своем обобщении, что нет лучшего средства коммунистического воспитания, чем неустанный показ боевых и трудовых подвигов, героев прошлого, настоящего и будущего. Да, и будущего! Нбо каждый день наш рождает новых героев, совершающих новые и новые подвиги во славу Родины, во имя коммунизма. Все это нужно беречь, а главное, уметь, неустанно популяризировать.

— Чудно жето, приход в литературу, молодой писатель пишет о себе, о своем детстве. Наверное, поэтому первые книги автобиографичны, и вот в последние годы появилось немало книг о военном детстве. Можно сказать, появилась деловый раздел такой литературы, обусловленный жизненным знанием автора. Но есть много произведений, посвященных самой войне, и эти вещи тоже принадлежат молодежи. Как правило, повести и рассказы о самой войне авторов, знающих о ней только теоретически, значительно слабее, они, как правило, вторичны. Как вы считаете, целесообразно ли людям невоенным писать о войне? Или это лишь привилегия бывших солдат, писателей — участников войны? И если это так, как быть тогда с классическим приме-

ром филологических факультетов: Лев Толстой написал «Войну и мир» спустя, полвека после победы над Наполеоном?

— Если говорить о Льве Толстом, то до того, как вступить за «Войну и мир», он, как известно, написал «Детство», «Отрочество», «Юность» — великолепные книги. И «Севастопольские рассказы» и «Кавказ» написал по своим непосредственным наблюдениям за войнами его времени. Да и жизнь тогда двигалась медленно и мало менялась, и, скажем, действия русской артиллерии на севавтопольских рубежах мало отличались от действия артиллерии на флангах Бородина. Поэтому Толстой легко представлял себе и ход наполеоновской войны, а главное, он был участником Севастопольской обороны, видел своими глазами камакские войны. И, несомненно, в описаниях сражений с Наполеоном он опирался на свои наблюдения времен севавтопольской обороны.

Разумеется, нельзя считать военную тему привилегией лишь бывалых солдат. Среди тысяч советских писателей у нас еще нет ни одного Льва Толстого. Человек такого ума и таланта, может быть, сейчас ходит в детский сад или качается в люльке. Но написана еще никем и советская «Война и мир». Но коллективно, общими силами из мозаики многих произведений советской литературы уже составился выразительный портрет Великой Отечественной войны, и несколько ярких кусочков смальты в этот мозаичный портрет положила и наша писательская молодежь. Но все же я бы советовал молодым писателям, если их привлекает военная тема, писать о сегодняшней армии, о той, которую они видели, знают, в какой они служили или служат, — это ведь тоже интересная и очень нужная тема.

— Я спросил вас о «Войне и мире». А что можно сказать о приходе героями в Отечествен-

В БОЮ...

ную войну 1812 года и в Великую Отечественную войну 1941—1945 годов? Классовое ли понятие героизма?

— Я не теоретик и, может быть, ошибусь, отвечая на этот вопрос, но думаю, что героизм — это понятие общечеловеческое. А вот причины его, основа — понятие классовое. Я уже упоминал Матвея Кузнецова, повторившего подвиг Ивана Суслина. Сюжет вроде бы одинаковый: человек из народа в лихую годину своей родины жертвует жизнью, сознательно идет на смерть. Но один отдаст свою жизнь за Россию, а другой — за Россию социалистическую, за будущее своего народа да и всего человечества.

А это не одно и то же.

— Известно, что многие наши книги, начиная с «Горючего цеха», написанного в 1939 году, посвящены героизму трудовому. Именно с нами, автором произведений о героине ратном и трудовом, хотелось бы поделиться такой мыслью. Считается, что о героине военном писать якобы легче, чем о героине повседневной жизни, обывающей работы, заурядного труда. Доля истины, признаюсь, тут есть. Что вы думаете об этом?

— Думаю, что так вопрос ставить нельзя. Что труднее? То, что ты меньше, хуже знаешь. В войне большинство наших журналистов и писателей были солдатами и писали не только о том, что видели, но прежде всего о том, что сами пережили. Что же касается трудового героизма, то чаще всего писатель выстукает как наблюдатель, а не как участник событий, и потому ему труднее жить в обстановку и представлять себе духовный мир героя. Поэтому мне кажется, писателю, берущемуся за великую тему труда, необходимо полезно превратиться на какое-то время в журналиста, поработать для газеты или журнала, писать о фактически происшедших событиях, о реальных людях, жить среди

них, помогать в их делах и заботах. Что же касается моих книг, о которых вы упомянули, то все их герои пришли на литературные страницы из моих журналистских записных книжек.

— Изменившаяся ли категория — героизм? Суть, содержание подвига эпохи «Горючего цеха» — эпохи первых пятилеток и эпохи романа «На дилом берегу...» — отличаются ли они друг от друга?

— Общезвестно, что все на свете течет, все изменяется. А сейчас, в эпоху спутников и аэрокосмоса, изменяется особенно быстро. Евгений Селев из «Горючего цеха» почти не походил на Олеса Поперного из романа «На дилом берегу...», или на дедачу — тичач и пралдильцу из «Горючего цеха», или на Валентину Таганову из невдумываемой повести «Человек человеку». Иные времена. Иные конфликты. Иные меры. И все же в главном — в природе их трудового служения коммунизму — эти герои похожи.

— Под рубрикой «Куратор современника» мы напечатали интервью с Иваном Васильевичем Козининым, Героем Социалистического Труда, профессором, известным строителем, за плечами у которого долгая жизнь и многие крупнейшие гидростроительств. Вот как говорил он о себе, о жизни, о молодежи и в общем-то о природе подвига:

«...В мой момент, по существу, три разных поколения. Я, мой сын, уже опытный инженер, начинавший у меня еще в «Куйбышевгидрострое», и дочь — студентка. Не скажу, чтобы наши взаимоотношения были безоблачны. Практически выходит, что между сыном и дочерью есть определенный барьер, как между мной и сыном. Разные поколения! Разные вкусы, разные пристрастия, разные мнения. Песни, которыми увлечена моя дочь и которые поют, по-моему, многие молодые люди, но мне интереса не вызывают. Но какие бы различные песни мы ни пели

сегодня в домашнем кругу, потребуются, и мы запоем, стаям плечом к плечу, одну песню — «Интернационал»! В добрых семьях принято верить, что дети проживут жизнь счастливее, чем родители, болше успеют, болшему научатся. А разве у страны есть основания отступить от этого правила?»

Не правда ли, мудрые, трезвые и очень оптимистические мысли?

— Я хорошо знаком с Иваном Васильевичем. Не раз бывал у него на «Куйбышевгидрострое», наблюдал его и в кабинете и на плотине, и честно говорю, кусочек Козинина записывая в сборном характере одного из любимых мною моих героев — в герою романа «На дилом берегу...» Фодоре Литвинове. Под всем тем, что написал Иван Васильевич, я охотно поставлю свое подписи, ибо тоже имею сына — инженера-электроника, дочь — врача-онколога и сына — студента третьего курса медицинститута. Признаться, как сыновья, беседуя, запросто говорят о современной технике и науке, я порой просто не понимаю их рассуждений и терминологий. Их вкусы у нас, разумеется, разные. Но я же принадлежу к тем отцам, которые, до старости прошедшие фронтами, коммунистами борюдами, усамия, бакебарками своих сыновей или, скажем, максимовскими своих дочерей, забывав о том, что основоположники нашей идеологии имели на линиях растительности, и часто весьма изысканно, а славные болшевики доволнозвонной поры носили также же самые юбки и пальто, как и сейчас именуются «макси». Но прав Иван Васильевич. «Интернационал», когда это потребуется, мы споем вместе и с детьми и, вероятно, если повезет, еще и с внуками.

— Хочу задать такой вопрос: где искать будущего героя будущей литературы? Иначе говоря, кто встанет в строй героических персонажей рядом с Корчагиным, Левинсоном, Кошпаевым,

И ТРУДЕ.

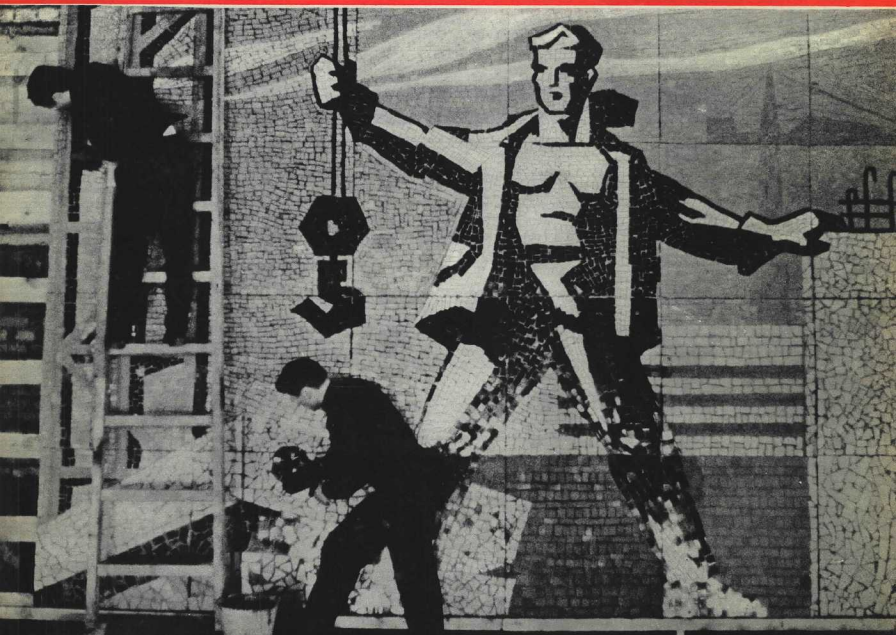

Фото Юрия РОЖКИНА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Издательство «Детская литература» выпускает книгу рассказов Станислава Романовского «Гусиный остров». В «Молодой гвардии» подготовлена еще одна книга молодого писателя, «Поздний летний вечер». Обращаю на себя внимание читателей и критики рассказы и повести Романовского, опубликованные в «Юности», «Молодой гвардии», «Нашем современнике». А все началось с «Ломтина солнца» — очень лирической книги, тонкой, и традициях Толстовского проза. Книга издава почти десять лет назад в Ульяновске, она запомнилась многим, определившие путь писателя, есть там. И это дорого, как «мелочность», как первые строки любви и признательности, обращения и родной земле.

РАССКАЗ

БЕЛЫЙ ПЕЛЕНАК

Труба мусоропровода проходила рядом с квартирой Зои Дмитриевны, и когда жильцы верхних квартир бросали мусор, особенно бутылки, скрежет и грохот пронизывал дом от двенадцатого до первого этажа. Но пока жильцам не жаловались, потому что в городе это была едва ли не первый дом с такой этажностью, мусоропроводом и лифтом.

Сейчас Зоя Дмитриевна проснулась от грохота, увидев во сне, что грохочет мусоропровод. Комната озарилась белым, и Зоя Дмитриевна поняла, что наяву гремит гроза, и породавалась. Сколько земли, сколько хлеба томится без влаги!

Она прислушалась: дождя не было, хотя в квартире было свежо, как у большой реки.

Если дождя не будет, подумала Зоя Дмитриевна, она встанет и, пока прохладно, водой с марганцовым помет проты на балконе — они что-то вент.

Она лежала калачиком под байковым одеялом. Это утро и день до вечера ее, потому что сыновья и сноха с ребенком вернутся с рыбалки только к ночи. Она внимательно рассматривала свою комнату.

Картина Шинкина «Корабельная роща» в сапфировой раме была цветной репродукцией из довоенного альбома, который подарил ей будущий муж за год до свадьбы.

Репродукция была удачной, и гости всегда спрашивали, где она достала такое чудо. Рамку висела неувзвешенная фотография мужа, умершего в госпитале от брюшного тифа 7 февраля 1943 года.

Репродукция и фотография висели над телевизором старого образца — с маленьким экраном и антивоздушной отапли. И как на все в комнате, Зоя Дмитриевна с тихим удовлетворением смотрела на телевизор. Его вручили сослуживцы из майборо, когда она находилась на пенисню.

Вместе с Зоей Дмитриевной выходила на пенсию бухгалтер Алексей Алексеевич, и он наказал директору подарить ему именно телевизор и даже подробно объяснил, где взять деньги, но изрушив бутылку закона. А директор взял да заупреждался, и телевизор подарил не бухгалтеру, а Зоей Дмитриевне.

Она с грустью подумала, что с этой комнатой, самым большим помещением в квартире, скоро придется расстаться: зимой сноха родит второго, и комнату, как говорится, сам бог велел отдать молодым, а самой переехать на их место. Она и сейчас готова отдать, но привыкла к дешевой обстановке. В конце концов ничего не случится, если она пожизнет здесь до зима.

Зоя Дмитриевна встала, прочтала в календаре, что восход солнца сегодня в 3 часа 45 минут, а заход в 21 час 10 минут и что исполнилось сто лет со дня рождения художника Поленова. Аккуратнейшим образом заправила кровать, и коридоричка ступила босие ноги и шлепанцы. По тому, какие они широкие, поняла, что это шлепанцы старшего сына, и тут же пошла в его комнату, предчувствуя, что со вчерашнего вечера, после того, как все снялась на рыбалку, здесь страшный беспорядок. Но в комнате все было прибрано.

Шумная просторная обстановка, Зоя Дмитриевна обобла все помещением — залезла и в комнату младшего сына — вот где было действительно беспорядок! — постояла на порожке и прикрыла дверь.

— Женить тебя надо.

Ночью стрельба все туфами, полуобуткини, шлепанцы в угол коридора, чтобы не загромождала проход, тщательно умылась и решила, что прямо сейчас пойдет на улицу.

Это ее несколько озадачило, и Зоя Дмитриевна еще раз спросила себя, может ли она вот так, сразу собраться и пойти на улицу, не по хозяйству, а просто отбродить. И получалось, что может. Сегодня не надо ни готовить, ни стирать, ни еще что-то делать.

**Александр БОГУЧАРОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты
«Смены»**

Поэзия огня еще не воплотилась в слове. Об этом думалось, когда стоишь рядом со стапелером. Его лицо закрыто темными стеклами окошка, но никогда и нигде нельзя так застенчиво поучаствовать волю и напряжение человека, подчинившего себе стихию огня.

Огненные слухи стапелерокожного цеха. Горстами голоса людей, ставшие сухие и зловоние от сорпироконоения с огнем. Чувство неба, нависшего над цехом, над плавкой, как чувство необъятности мира. В этом не объятном и сложном мире «огненный цех» объединяет рабочих людей в особую когорту. Огонь и сталь неосторожны, как неосторожны теперь судачки тех, кто свазал себя с огнем, чтобы варить сталь. Вот как это написал Виктор Карпиков:

Я с тобой, кто владеет стальной,
И ты подчини огню себе,

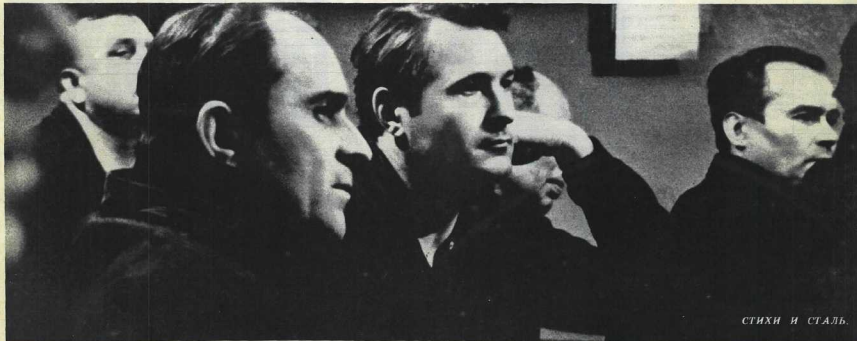
Чтоб стать и необъятной дально
И выломом в моей судьбе.
Вглядись, мой современник,

Смотри, как шарцует, дыша,
Подъемля целый мир над нами,
Тысяч рабочих вуша.

По-украински это звучит мягче, проникновеннее, чем в переводе, а потому мужественность, суровость этих строк обнаруживаются не сразу, как не сразу становятся известны результаты плавки: «Я с тобой йду, ты стало володею, кому металл ближайши друг...»

Да, поэзия огня и металла еще не воплотилась в слове, но тем неудержимой и ошеломительной процесс творческого воплощения. Ведь переведенные с украинского стихи взяты не «ничто «сразу поэзии и стали», и написаны эта книга тем, кто каждое утро по гоню слышит в цеха металлургического завода имени Днепро-ского, старейшего завода в Днепро-

петровске. Авторы этой книги объединил, свел, породил с музой рабочей поэзии завод. А их художественный вкус, их интерес к литературе, их искреннюю попытку подружить сталь и поэзию поддерживало и направляло литературное объединение «Плавка», первое на Украине объединение рабочих поэтов, возникшее в годы первых пятилеток и активно действующее по сей день. Чтобы стать писателем, вовсе не обязательно начинать в литературной области. «Плавка» — это не кузница литературных кадров, задача у нее шире и поважнее, важнее. Не тяга к литературному труду, а прежде всего стремление освоить богатства современной культуры приводит стапелеров в «Плавку». Именно поэтому здесь слышат название имени известных писателей, побывавших на заводе и познакомивших литературное со своим трудом, а

СТИХИ И СТАЛЬ.

Внизу, на третьем этаже, у доцента Дворецкого завала оварка — сквозь дверь были слышны бушующие, протуженные звуки, будто прокашивалась мужчина, злорадно-бушующий курением.

«Безобразно» — подумала Зоя Дмитриевна. — Двое мужчин в доме, а дверь обить не могут!»

Внезапно ее осенила соблазнительная мысль: а что если сейчас, пока на улицах мало народа, все-таки сбегать на базар и купить самую свежей рыбы с рыбой и землей И шнелого болшо.

Зоя Дмитриевна осмелилась, открыла шифонер, но попутствовала усталости. Громко зевая, еще раз обошла всю квартиру, проверила, выключен ли газ, не горит ли свет в ванной, наконец закрыла балкон, так как где-то на нижних этажах жарил на растительном масле и запах проникал сюда, прилетая на ливный бак на свою неразборчивую постель и уснул.

Во сне она слышала какие-то звуки и запахи, иногда ей казалось, что домашние уже пришли с рыбой, и она тихо постылавай, чтобы ее не будили. Проснувшись окончательно, Зоя Дмитриевна обнаружала, что ее дель кончалась, она быстро поднялась и, не делая себе перемывки, на скорую руку прибрала постель, умылась, выпила молока, сделала тысячу других маленьких, но цепких дел, которые не отпугали ее из дома, и перед дорогой посмотрела в зеркало, где увидела себя молодой полновещей бабушкой.

Лифт был, все время заперт, наконец, открылся подростки из других домов. Зоя Дмитриевна подождала немного и спустилась пешком.

У каждого дома есть свои Подмонастырка — своя сиреневая ограда, но лево судоб оказалась ближе к центру: чем Черемушки, которые тоже есть в каждом городе.

Подмонастырка — деревянная страна с резными наличниками, со сладким и угрюмым дымок самовара на улицах. С заросшими палисадниками, за которыми не видать окон и все еще услышишь позабытые песни: «Хаз Будат удалой», или «Звенит звонок, и тройка мчится», или про дедушку, в которую «страма கடலში რაზუდა», и она, «Хаз преточет, завала».

По такой окраине и шла Зоя Дмитриевна из своих Черемушек, и когда с ней подокалывал мальчик и девочка, она недолго вспоминала, откуда они ее знают: просто поприятвовавшись незнакому человеку по деревенской привычке. До воспоминаний лет она жила в деревне, и девочкой не представляла, что можно как-то иначе. И муж ее тоже был из деревни.

Теперь она внимательно присматривалась к редким прохожим, готовая ответить немедленным «Здравствуйте!», и пожалела, что окраина кончилась у трамвайной остановки.

Пустой трамвай, срежесса, развернулся на колючем полукольце и повез Зою Дмитриевну к центру города.

Виды за окном менялись, пока трамвай не проник в однообразный коридор пятиэтажных домов, и Зоя Дмитриевна с сочувствием думала, что в этих домах нет ни лифтов, ни мусоропроводов.

Пятиэтажный коридор смыкался старинной частью города с тополями, с белым обоянием, в котором проездом Густа Пушкина, и с обилием людей даже на проезжей части улицы. Теперь трамвай двинулся медленно, он звонил, требов дорги, и вынужден был останавливаться, не дожидая остановки.

«Что так такой?» — спросила Зоя Дмитриевна.

Старуха в черном платке повернулась к ней:

— Престольный праздник, пресвятая троица.

За окном были мимолетные, возбудженные лица. На груди у парня висела фирменный плакат, и Зоя Дмитриевна смогла прочитать одно верхнее слово — «Требую», а за требую, неизвестно, нижнюю часть плаката закрывала спиной. Парня теснили, он смеялся. На тронцу все это было непохоже...

Встало, чтобы старуха не слышала, Зоя Дмитриевна ласково окликнула высокого юношу, который стоял рядом и, согнувшись, всматривался в окно.

— Малой человек, объясните, пожалуйста, что здесь происходит!

Юноша посмотрел на Зюю Дмитриевну:

— Вечерний спектакль...

За общим шумом она не расслышала, что это еще сказал, ей передалась возбудженное ладкой на улице, и она спросила непонда:

— Билеты, наверное, трудно достать?

Юноша дружелюбно усмехнулся, как будто именно он затеял этот необычный спектакль:

— Люди взимают очередь с вечера...

Зоя Дмитриевна опешила. В свое время ей пришлось стоюкю выстоять в очереди! Сейчас стало гораздо легче, думала она, мясо, сладкое есть в каждой семье. Если не пить, можно хорошо обедать. Жаль с удобствами пока не у всех, но будет у всех — к этому идет. Конечно, утешала она себя, очередь за билетами — самый богатый очередь, радостнее надо...

За спиной звонили другие трамваи. Старуха в черном платке обернулась и передразнивала юношу:

— «Вечерний спектакль, вечерний спектакль». Большого покойника несут — вот оно что!

Юноша не удостоена ее ответом, а Зоя Дмитриевна стало неприятно оттого, что старуха подсадила их разговор. Она хотела резко осадить бесцеремонную пассажирку, но расстраивать дело нельзя, не ведали врачи, и она сдержалась, отыершившись к юному, благо трамвай на самой малой скорости мильовала ладской затор.

Кто-то осторожно, а может быть, нечаянно дотронулся до плеча, и Зоя

Дмитриевна увидела круглое лицо мужчины лет пятидесяти близко от своих глаз и несколько отодвинулась.

— Пропу прощения! — сказала мужчина. — Я видел, как вы расстроились из-за билета... У меня есть один билет... ит, не лишней, но мне сейчас уезжать из-за грехов действия придется уйти.

Он похлопал билет ей на колене.

— Сколько я вам должна? — спросила она.

— Это не обязательно...

— Как это не обязательно? — удивилась Зоя Дмитриевна. — Деньги же.

— Деньги не большие. Рубль десять...

— Одинадцать рублей старая.

Она тут же нацупала деньги за билетом, наудача вынула бумажку и моменту — это оказалась рубль и гривенник. Руки у мужчины были заняты дорожной каландой, она опустила плату в карман его пальца и спирнула билет за билетом. Мужчина сконфузило улыбнулся и подался вперед, застревая чемоданом среди пассажиров.

Юноша сказал:

— Повезло. Крупно повезло.

Прежде чем выйти с задней площадки, Зоя Дмитриевна не сдержалась и высказалась в черные платок старушке:

— Ну что, бабушка! Как твой покойник?

Как к этому отнеслась старушка, Зоя Дмитриевна никогда не узнает, — стуча каблучками и не оборачиваясь, она спешила к театру. Приобрася через плотный коридор безбилетника, Зоя Дмитриевна прочитала требование на фанерном плакате:

«Требуя лишней билет!»

По обе стороны входной двери стояли два солдата с винтовками, в длинных шинелях и высоких сапогах. Она хотела пройти мимо, но солдат справа, морщась от сигареты, окликнул ее:

— Ваш билетик, гражданочка?

Перед ней стоял артист, переодетый в форму солдата революции. Доставая билет, она старалась не смотреть на него. Лет пятнадцать назад ей пришлось подняться на сцену, чтобы вручить месткомовский букет приезжим артистам, и узнала Зоя Дмитриевна было несолово смотреть на загримированных мужчин с накрашенными губами и бровями.

Но этот солдат не был накрашенным, один глаз у него был меньше другого, и если бы не холерный погонь — ну, вылитый солдат тех времен, которые она еще помнила. Он всадил билет на граненый пятак винтовки и винтовочный же затворил дорогу волею с безнадлежащим лицом безбилетника:

— Б-Б-билет, гражданин!

Ей хотелось посмотреть, что будет дальше, но людской поток отнесла ее от солдата.

Представление было с песнями, плясками и главным образом, как запомнилось Зое Дмитриевне, со стрельбой. Стреляли по поводу и без повода — в воздух, друг в друга и даже в зал. Пороховой дым мешался с табачным, так как стрельбище отчаянно куряли. За не мог привакнуть к пьесе и послас комедии зала капля и гудела. На первых порах общен возбужденно передохла Зое Дмитриевне, она также затыкала уши, смеялась и даже вскрикивая в одном месте...

Но постелевно какое-то отчужденно наметалась между ней и действител, может быть, оттого, что действующих лиц было много, они постепенно менялись, и всех их невозможно упомянуть.

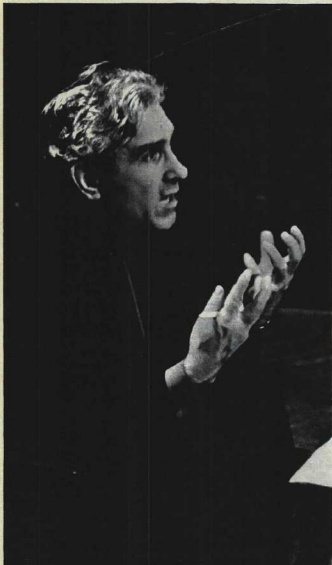
Сцена грохотала, плакала и злилась, а у Зои Дмитриевны крепло ощущение, что кто-то все время смотрит на нее. Она вглядывалась в затылки, оборачивалась рассматривала плечуку, складки занавеса, обшито по краям синвы.

До войны, когда она была беременна первым ребенком, они с мужем рыбачили на Кобыльем озере. Муж сидел у самых ушек. Зоя Дмитриевна смотрела на его затылок, приятный к вслушничатой спине, и тогда же ей казалось, что кто-то из нее смотрит. Не соходя с места, муж сполоснул руки, повернулся к ней, держа на весу ладони, с которых сыпались бисерные капли. Замер и шепотом спросил: «Бдишь?» Она погляддела, куда он показывал, и вдруг затричала дурным голосом: из озера на нее смотрели два страшных глаза и, очевидно, смеялись даво. Зоя Дмитриевна загнула в них плакой — глаза исчезли, пятнисто тело шуки, не торпаясь, затонуло в глубине. Муж покачал головой:

«Ты мне всю рыбу распугаешь».

...И сейчас в театре, вспомни это, Зоя Дмитриевна подумала, что на нее смотрит какое-то животное, скорее всего кошка. Есть такие кошки, которые живут при столовых или учреждениях, встреча с которыми затнулась. Она чаще испытывалась в зригательный зал, и у нее складывалось убеждение, что вперед на три ряда, на одно место левее, сидит человек, очень хорошо ей знакомый.

Зоя Дмитриевна видела крепкий седой затылок, приятный к воротнику темного пиджака, и слыла общий шум условна характерное покашливание. Она подавалась вперед, чтобы лучше рассмотреть этого человека, но тельно постоянно двигались, садя стали ворчать. Она успела заметить, что человек

РУКОВОДИТЕЛЬ ЛИТВОЕДИНЕНИЯ ПИСАТЕЛЬ
НИКОЛАЙ МИКОЛАЙНКО

уже потом имена тех, кто вошел в литературу, попробовав сначала свои силы на страницах многотиражки «Трубина металлурга» и оброня перо на творческих семинарах в «Плаве».

Через «Плаву» прошли сотни людей — это была их молодость, это был необходимый душе рабочего человека союз поэзии и стали. Это был путь к новым знаниям, к книгам. К вечерним и заочным отделениям вузов. А для иных, безусловно, и путь к первым книгам, к первым статьям и очеркам в «большой прессе»...

Аркадий Гайсинский... Высотинкомонтажник, он несколько лет назад принес сюда свои первые стихи: «Нам эта даль подарена за смелость, за то, что высоту штурмуем мы...» Здесь он понял: надо учиться. Сначала была вечерняя школа рабочей молодежи, потом механический факультет инженерно-строительного, заочный...

Анатолий Быков... Сначала шахтер, потом строитель. Прораб механомонтажного участка. Первая поэтическая книжка «Парни в синих робаках» — автобиография. Прелюда в «Плаву», вскоре тоже стал учиться. На факультете журналистики в МГУ. И тоже заочно. Из цеха пригласили в редакцию многотиражки. Заочной журналист, поэт, староста литоведения «Плава». Стихи и не требующие отлагательства злободневные заметки в номере. Стихи и заметки. Заметки и стихи. А любой свободной минутой — в цех. Невозможно отделить от всей его жизни и работы стихи, как невозможно представить себе Анатолия Быкова без парней в синих робаках. И ес-

ЕВГЕНИЯ БОРЖВА

этот ни словом не обменялся с соседями и в театр пришла, по-видимому, один. Спектакль кончился неожиданно, вспыхнуло электричество, осветив пороховой дым над рядами, зрители встали, захлопали в ладоши и загородили выходы Зоя Дмитриевна.

Артисты кланялись, уходя, возвращались, спать кланялись. В здании врал по провинциальной привычке народ вышка к выходу, а впередии все хлопала даже тогда, когда занавес опустился окончательно и всем стало ясно, что это больше не спектакль.

Зрителю расхотелось медленно. Зоя Дмитриевна все старалась заглушить на три ряда вперед, чтобы не пропустить его, и в просвет увидела, что человек этот стоит спиной к ней и поправляет костюм.

Вот он бочком пошел к выходу, вдоль ряда, но, почувствовав взгляд женщины, обернулся, и Зоя Дмитриевна узнала своего мужа.

Он был совершенно седой и смотрел именно на нее — вспоминая. Между ними было три ряда пустых кресел — и никого и ничего больше.

Смерзавало боясь, что ей сейчас нечем-то встать на улитке ее, Зоя Дмитриевна на кинулась к нему и больно ударила животом и коленями о спинки кресел.

— Ты и м-м... а-а-а... Тим... ка...

И потеряла сознание.

Очнувшись, она первым делом чихнула... две женщины в синих халатах хлопотали над ней с бутылкой нашатырного спирта. Она попыталась улыбнуться им, они это заметная и дружно заулыбались в ответ, и Зоя Дмитриевна услышала их добрые голоса.

— Легче вам?

— Театр-то спорный, еще со времен Пушкина... Вентиляцион никакой...

— А эти зная платят. Сожгут еще все...

Женщины помогали ей подняться, вставая под руки, чтобы отвести на диван в фойе. Зоя была совершенно пустой, только еще одна женщина в синем халате закрывала несвежим чехлом бархат вдобав оркестровой ямы, о чем-то спрашивала, и это сопровождало ее слова.

Внезапно Зоя Дмитриевна вспомнила все и, оттолкнув женщин, кинулась в фойе и едва не упала, поскользнувшись на старинном паркете. Здесь никого не было, она пробежала в зрительный зал.

— Да! Он! — Ее голос, как в лесу, повторило эхо.

Женщина с двух сторон держала ее за руки и спрашивала и утешала:

— Да вы успокойтесь, родимая...

— Говорила я, Панна, «Скорую помощь» надо...

— Кто он? Кто?

— Да так... плохо сообража, пробормотала Зоя Дмитриевна.— Показалось...

Они усадили ее на диван, что-то говорили ей асковое и колыбельное, как маленькую; она пошевелила утробу.

— Проводить вас? — Ничего, молодая — так дойдет... — Я на такси.

— Да что вы! — приторно всплеснула руками женщина. — Сколько же вам лет?!

Вторым они поговорили о житье-бытье, и женщины из театра посетовали на то, что пеней бы и этих лаяк не получалось — не хватит хвостов спарков и живых свидетелей. В общем, все трое остались довольны друг другом.

Перед уходом Зоя Дмитриевна спросила довольно спокойно:

— Скажите... когда я была без памяти... ко мне никто не подошел? Мужчин... Седой такой, лодка круглое, но подошел!

— Нет... — ответила женщина. — Не видели. Нам Анна Ароновича, наш администратор, сказали: видите в зал, там в седом ряду женщина заснула. Мы поспали, а вы без памяти...

Они все-таки проводили Зою Дмитриевну до ближайшей остановки и посадили ее на трамвай, который шел не в Подмастье, а прямым ходом в местные Черемушки.

Пассажиром она не запомнила и всю дорогу думала, кто же был там в театре: обозначился, привлеклась или все-таки он? У того в театре все было мужином, даже кашель. И глаза мужином. Но у мужа был астматизм, левый глаз всегда шурился, а у этого в театре глаза были прищур. Значит, не муж, а кто-то другой избрался ей сегодня и растаял, как дым, как откосился, едва она пришла себя. Да и знала она, точно знала, муж умер в войну, 7 февраля 1943 года.

Конечно, не он, чудес не бывает.

Не бывает...

Зоя Дмитриевна задумывалась над обстоятельствами, которые привели ее к этому вечеру, вспоминала... она ведь и не помнила о театре, а поехала прогуляться. Каждый вечер в прощанье она приобретала для нее глубокий смисл, и все мелочи ввязались в сложное, словно бы заранее продуманное хитросплетение.

«Зачем надо было... — гугкала себя Зоя Дмитриевна. — обращаться с грубыми

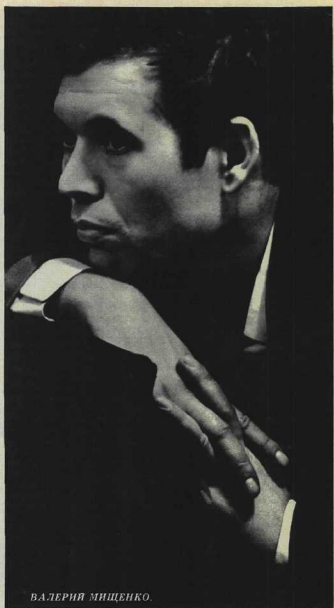
МИХАИЛ ПАТРИК.

ли именно так складывается судьба молодого рабочего поэта, в «Плаве» считает, что лучше и быть не может. Любительские дали верные ориентиры, помогло встать еще ближе к заводской жизни. В этом есть смысл. Ради этого стоит работать. К этому звали и мастера советской культуры, в разные годы бывавшие на вечерах «Плавок» и оставившие неслышимый след в душах рабочих.

Летописец «Плавок» Дмитрий Демидки в своих воспоминаниях пишет: «В те дни на заводе часто расклеивались стихотворные лозунги. Вот большой, ярко нарисованный плакат у проходной: «Плохо работа, дело губя, ты оборовываешь самого себя!» А через несколько шагов — другой: «Брак — враг! Бей Брак!» Эпиграммы, стихи на производственные темы, лозунги принадежали перу одного из членов «Бурсной бригады» «Правды» — поэт А. Безыменского. Позже они были изданы книжкой «Стихи делают сталь» — как приложение к заводской газете. Это было начало тридцатых. Когда рождалась «Плавка»...

У истоков «Плавки» стоял и Константин Тренев — о его переписке с инженером Никитой Коваленко и проматчиком Андреем Шамилем рассказывала в ту пору «Литературная газета». Запомнилась и стала страницами заводской летописи поэма Алексея Курасовой о горном Иване Рудове. Запомнились выступления в «Плавке» Федора Панферова, Лва Никулина, Ильи Садырбаева, Александра Прохорова, Ильи Сальвинского, Михаил Светлов и Михаил Голодный — земляки — до конца своих дней числили себя в друзьях и сподвижниках «Плавки». В разные годы писатели-антифашисты Мэтт Залка и Эрик Вейнер бывали здесь, делились с металлургами заводскими мыслями и страстными произведениями, обличающими фашизм.

Все это не только замечательное прошлое «Плавки». Все это вечно живой источник революционных, интернациональных и трудовых традиций, которым так славится завод имени Петровского и его любительские «Плавки».

ВАЛЕРИЙ МИЩЕНКО.

словами к старушке в черном платке: «Ну что, бабушка? Как твой покойник?»
— От оставших до дома было недалеко. Зоя Дмитриевна забеспокоилась: а вдруг лифт не работает, катится реветишка, сломает еще...
— Лифт, к счастью, работал, только у нем было нумеровано, и она подумала: если так будет продолжаться, надо позвать участкового, чтобы навал порядок.

На звонок двери открыла сноха, и Зоя Дмитриевна сразу увидела, что в квартире беспорядок — в прихожей навалена грязная обувь, на полу потёки. Прежде чем войти, она демонстративно дала вытряхнуть ноги о половую тряпку и сказала, глядя на руки снохи, сложенные на животе:

- Неужели причесаться было нельзя?
- Мы только пришли, — смиренно ответила сноха.
- Неужели это так трудно?

Она тут же проиня в кухню, на запах свежей рыбы. Милая на коротких, снохова указывала рубку в большой эмалированной таз. Малая подала сысталою, измученное лицо и сказала, держа на виду руки, с которых срывались корытчатые капли:

— У нас там дожди и-ще были!

Наверху згрохотало, вину простукивало замахала собака доистота Дворенкого, грохот и звок прокатил близко за стеной, логот задрожала вину и стукло.
— «Перелет, лежи, старуха». Иди скажи: «Недолет», — прислушавшись, процитировал Теркина младший.

Безобразно — раздразнилась, сказала Зоя Дмитриевна. — Двое взрослых мужчины в доме и не могут обить дверь.

Сыновья молчали, и она с еще большим раздражением продолжала:

— А Тимка где? Если вы сами мокрете, как поросит, то ребенка без меня вы могли бы не простужать!

Младший обива мать, касаясь лицом ее лица:

— Мамочка, ну почему ты такая сердитая? Тимка давно спит. И он сухой.

А ты где была сегодня?

— От сына пахло табаком, рыбой и еще совсем немного, тем молочным запахом, который она помнила с его детства. Зоя Дмитриевна знала, что, обивая ее, он держит ладони за ее спиной на весу, чтобы не запачкать платка.

— Не подлизывайся, — сказала она и, раскрасневшись, высободилась из его объятий. — В театре была!

Не отрываясь от рыбы, старший спросил:

— А билет как же? За билетными нынче очередь занимают с ночи...

Она не отгадала и ушла из кухни в комнату старшего, где спал ребенок.

Увидев ее, сноха сказала:

— Он без вас скучал. К бабусянке, говорит, хуч...

Зоя Дмитриевна осторожно заглянула за край детской кровати, потрогала лобик — жара у вунка не бурчало. Он дышал ровно и спокойно. Она отняла руку — на его лице дорогие рубчатые тени от ресниц.

— И чера обратила внимание, — застесливо сказала Зоя Дмитриевна, — обратила внимание, что у него... лезьды глаз шуртят. Ты не замечала?

— Это он наспал, Зоя Дмитриевна, — громовато ответила сноха. — Не угадывать — тут же на левый бочок.

— Упрямый...

— Упрямый...

Зоя Дмитриевна никак не хотелась уходить отсюда. Чтобы заставить себя уйти, она вспомнила несделанные домашние дела, в том числе и шитье на бабине, которые надлежало помыть водой с марганцовкой. А уйти не могла. И тогда, чтобы снохе много не думалось, она решила, что выйдет, но ненадолго.

Обернет ласток календаря в своей комнате и тут же вернется.

Она прошла в свою комнату, где был абсолютный порядок, кроме небольшого вмятина на ее постели, оттого что Зоя Дмитриевна днем лежала поверх одеяла. Она выронила постель, сорвала ласток календаря, прочитала, что в этот день родился художник Пленов, наколола ласток на длинную спицу, так была наколота остальные пришедшие дни года, поставила спицу на подставку рядом с телевизором и протяжно вздохнула.

— Е му муж говорил, что в этот день рождался три великих человека — художник Пленов, еще кто-то, она не помнила кто, и он — ее муж, инженер по профессии, работал по специальности и... Но Зоя Дмитриевна не помнила всех тождеств, только в этом месте было очень-очень смешно. И все, бывало, смеялась, когда он называл себя — третьего.

И подумала: вот сыновья кончат заниматься рыбой, она забудет всех и скажет, что сегодня день рождения дня, что она с самого утра черствела — сегодня какой-то необычный день. И что от вмятины, даже если она сумеет, все равно откуда не доведется... Ничего не будет страшного, если она жей смешной выколот бутылку портвейна-иал... что это вмяти называлась? Но мазины все закрыты, а в доме вина нет. Да бои с ним, в винном. Сказать про день рождения — значит сказать про то, что с ней произошло в театре, только без слез, потому что ей расстраиваться никак нельзя. Выше еще под ногаз предупред...

— Вам, Зоя Дмитриевна, совершенно нельзя расстраиваться!

Она пошла к зеркалу, все им у нее в порядке, поправила волосы и, приоткрыв дверь, спросила в коридор:

— Младички, вы спокор...

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ,
Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото)

ОН ПЕРВЫМ ВСТРЕЧАЕТ ГОСТЕЙ

ГОРЬКОВЧАНКА ЛИДИЯ СЕМЕНОВСКАЯ ДАВНО МЕЧТАЛА ПОБЫВАТЬ В ТАРХАНАХ.

ТАРХАНЫ

ВЕЩАЯ КАЗЬМОВА.

Шервая мысль по дороге в Тарханы: никогда не видел такого бесконечного, такого синего неба. Нет, это не самообман. На десятки, сотни верст вокруг верховенные холмы. Они уже вспыхивают, и черная влажная земля подчеркивает синеву апрельского воздуха — воздуха его детства!

Что же это такое — любовь к местам детства? Да, мы знаем, что слезы — всего лишь избыток адреналина в организме человека, факт доказан наукой... Но как связать этот адреналин с дымом отечества? И почему он, далекий дымок беззащитного креста в Пензенской лесостепи, увлажняет твои глаза, и ты немолчно произносишь:

Люблю дымок спаленной жинны.

А вот и чета белостволых берез. Их давниние тени лежат в вежливом-зеленых озимых долинах, на северных склонах косогоров еще лижет последний свет, а в его, Лермонтовском, небе колыхаются плавные круги граничных вальсов! Сладчайший глоток весеннего воздуха — и как выдох, как свое собственное, криво:

Прекрасны вы, поля земли родной.

Есть в природе три иерасторжимых слова: Детство — Песня — Родина. Тарханы объединяют их, и когда мы увидели на холме белый дом с колоннами и тенистый пруд его детства, окруженный вязами и липами, кленами и тополями, когда мы увидели маленькую семейную деревню и домик клоччинка в хороводе берез, я понял, что это бес-

донное тарханское небо раньше всех учителей научило его любить свою землю. Служение бесконечности, необъятной и недоступной уму, — разве это ощущение не порождает желание иметь свои земные ориентиры на земле, разве чувство затерянности по весенней не вызывает отечное чувство — вот пады земли, пронзительно аксиомы, здесь началась твоя жизнь!.. А ведь он, Лермонтов, — поэт, которого никогда не покидало чувство вечности и беспредельности.

Родные холмы, а потом любимый Кавказ — мречная высота души, клубящиеся тучи, грозные думы, глыбы скал и чувства, хаос вселенной, осыни и пальма, объединенные полетом его космической мысли, и наконец, эти строки, очень важные для понимания Лермонтова:

**И часто тайную отраду
находит мне незваной,
за непреклонную ограду
странный завистливый мечтой.**

Непреклонная ограда... Что-то очень большое приближалось, притоткрывалось мне, казалось, вот-вот я пойму это, и вдруг оно ускользало. Да, он, Лермонтов, хотел понять то, что не может понять человек, он хотел познать великую общую тайну всего сущего — доступного и недоступного взору.

Странно, дивно, вот она, судьба Елизаветы Александровны Арсеньевой. Вот их дом, сейчас голую чашу видны все три пруда — Большой, Средний и Берский. А на той стороне поселок Лермонтово, или Тарханы, — все единой Тихо в усадьбе, только птицы поют и в Большом пруду плещется рыба. А в сердце плещутся радость: жинный пруд! Все

Юрий АДРИАНОВ

«КЕРИМЕНЦЬ»,
«Советский писатель»,
1989 год

Новгородская баллада

Несите эту весть по русским селам,
Что войнами обуглены степи:
Вернул сегодня Ильмень скорбный клад,
Холодный, прожаривший и тмечный.

...Танк захватился, мая разбухший след,
Над полями, над взрыганными снегами,
Но небо колыхнулось облаками,
И волны захлестнули небосвод.

Последний раз качнулись рожки дык
Над грузным шлемом, орудейной башинь...
Он двадцать лет был без вести пропавшим —
Скелет, люди, головы пред ним!

Телет с брони забвения песок,
И смотрит мир раскатыми галами,
Но черных ностальгических платок
Наденет кто-то в городе Рязани.

Пусть встанут радом, как были слова,
Что век не мнут срама и позора,
Пять ратных глав Софийского собора
И башни танка мертвая глава.

Ханбиче ХАМЕТОВА

«КОЛЫБЕЛЬ»,
«Молодая гвардия»,
1970 год

Бросайте, матери, платки*

Я не могу молчать, когда горит земля,

Когда чернее ран пшеничные поля,

Когда в ночи пылают города

И беженцы бредут неведомо куда!

Я не могу молчать, когда у матерей

Уже не слезы — кровь! —

И раненой весной сочится из очей,

И раненой весной не травы, не цветы —

Восходит из земли могильные кресты!

Довольно, не точу смертей, калек и вдов!

Бросайте, матери, платки

к ногам сынов!

Священные платки, кто сможет из мужчин

Сиянье распотпят родительских седин,

Отвергнуть колыбель, переступить порог

Мадленского лобан, безоблачных дорог!

Проклятие тому, кто в ярости ослеп!

Да будет навсегда его отравлен хлеб!

Да будет навсегда ему вода горька!

Да будет, как позор, черна его рука!

Я не могу молчать, когда у матерей

Уже не слезы — кровь! —

И раненой весной сочится из очей,

И раненой весной пшеничные поля!

Я не могу молчать, когда горит земля.

* В горах есть обычай: когда дерутся мужичины, женщины бросают в их ноги свой платок — гсоловой убор. Мужичины немедленно превращают братоубийственную резню.

Перевел с лаггинского
Владимир СМОЛДЫРЕВ.

живое — его лица, его холм, его дуб, его Догат роца, его слова... Из этого дома чернотазый мальчик, взволнованный луной, выбежал в остекленные от росы Круглый сад. А вот и его военные траншеи, здесь бородянский гром и сава Измаила вспоминала его рано созревший ум. Он играл здесь один, а кто еще нужен был его крылатому воображению? Одиночество унижает только пустую душу. Здесь впервые он увидел восход солнца, впервые опечивался на закате, впервые подумал о смерти; впервые услышала тихую и жуткую народную песню о своей доле, впервые здесь ему играла мать на фортепиано — вот оно, это старинное фортепиано красного дерева... Здесь впервые он шел по росе за ландшафтными, здесь впервые тревожно и сладко колынула в горах детская любовь, впервые проходящее стадо обляло его телом.

А может, любовь к родinie — это любовь к самому себе? Ведь это все твоё самое первое, и поэтому все так тебе дорого! Но почему же тогда мы умираем за свою землю? Зачем тогда эти детские траншеи?

Я подвела голову. Над Терханами вился огромный лиловый туча. Ветер уже срывал грача с вершин дуба, того самого, который был посажен мальчиком Лермонтовым...

Надо мной что вечно зеленея,
Темный дуб склонился и шумел.

...Ветер уже ломал сухие камыши, пруды накрыла бегущая рябь, и опять я физически ощутила могучую свежесть его природы. Толое гроза усаждала пригнетая земля — в Терханы пришла гроза...

Казалось, что сам поэт пришел на свою родину! Вспышки небесного пламени, словно вспышки материн, выхватывая из прошлого доблесте ашио грустного мальчика. И я поняла, что всю жизнь он страдал из-за несоответствия своего прекрасного мира, созданного пылким воображением, и мира

Александр ШЕВЕЛЕВ

«НЕЖНОСТЬ ЗЕМЛИ»,
«Молодая гвардия»,
1970 год

Виктор КОРОТАЕВ

«ЖРЕБИЯ»,
«Советский писатель»,
1969 год

Вячеслав ШАПОШНИКОВ

«ВОХОМСКАЯ ХОРОВОД»,
«Молодая гвардия»,
1970 год

Баллада о лошадях 1943 года

Я знаю:
Пошади умны,
Те, что трудились в поле,
Пусть неуклюжи,
Нестройны,
Иной не знали доми,
Как от томна и до темна
Пазать,
Работать без обеда...

А где-то шла еще война,
И далека была победа.
Они носы,
И адошь спины

На их телах темнели шрамы;
Но были вошади умны,
Нам зарабатывая граммы
Не персоростию зерна,
А так,
Мякнун и отдош...

А где-то шла еще война
И были дальними походы...

Я вспоминаю и сейчас
Их, невеселы,
Некрасивы,
Их доброту печальных глаз
И седнун в их потных гривах.

Дмитрий Кара ЧОБАН

«ПРИЗНАНИЕ СЕРЦА»,
«Молодая гвардия»,
1970 год

Моя земля

Моя земля,
Кичанья, зелена,
Певуча и свободна,
Словно птица.
Моя земля,
Как девушка, юна,
Как женщина,
Смулга и круглолица.
В моих деревьях белые дома
Среди деревьев,
Будто зрнзантием.
Мой дом —
История сава,
Достоиня и песни и поэмы.
Вино у нас
На праздники щедро пьют,
А в будний день —
Мы в поле до рассвета.
На свадьбах наших
Завсика и добу — быют
И выдуаю?
Нежность из кларнета.
Моя земля
Пывнат, как крепкий зельм
(Мне никакой другой зельм
[Оружье наше — не нурино]...
Хрупка сиврель,
Завсика и добу — быют
Доброта и дружба...

Доба — вид барабана.

Перевел с гагаузского
Вадим КУЗНЕЦОВ.

Не найду я защитного средства,
Чтоб, избежав от лишних тревог,
Словно поезде, мелькнувшее детство
Не сбавило мне в спину гудок.
Чтоб под звездами,
Изозвратило
Яркий свет проноса на восту
Оседающим угольным дымом
По ночам не шивало в носу.
Не скрывано поэтому зависть
К коротким голубиным годам,
Падимца,
Любно и пугаюсь
В детство махачица поэдаов.

Просека

Мы были младшие чины:
Брезентовые эполеты,
Мушкетры — тонке из брезента...
Мы были младшие чины.
И что мы сделали тогда!
Но кто-то, обличим
фельдшарина,
Пред войском навеликом нашим
Пронизил насчет труда:
«Ваш труд, ой победил
Болат!
Десятки верст, и глушь,
и грязь!»

А просто просекой завалась
Та завершенная работа.
И у нее на острие,
Где огоньки Сибири дрогли,
Стальной опоры жерлофф.
Стальные руки грел в заре.
Той просекой был мир прощит.
Она сияла нас тогда летела
Усталость, бодроваща тела
И странной зоркостью души.
Зачулки наши именя...
Им просека вынимала строго.
Прямой единственной дорогой
Была для каждого она.

реального, который подо и торопило убила поэта.
Пламя выхватывало из тьмы тот самый указ жалкого
нряк, по которому Мартынов получив три
месяца задержания в лагере... Как делово отделе-
лись! «Собаке собака смерти», — сказал Нико-
лай. Откуда такая злоба? Лермонтов всерьез спа-
згал егю! И опять я получаю, о неосторожничии на-
виста и родной земляк. Под шум дождя в Тарха-
нах я думаю о том, что счастлив тот поэт, который
в слове «родина» может уместить все родственные
слова: страна, держава, государство, Россия.
Лермонтов сделать это не мог. Его железный
ум, сто боковая связь с отроческим лет провел:
социальную черту между родиной и державой, вот
почему с одной стороны — «немалая Россия, страна
рабов, страна господ», а с другой — «малобгаче-
ству и». Вот почему он свою любовь так часто вы-
ражал через ненависть:

Мен часто пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сновоз сон,
При шумех мнужины и пласане,
При динном шепоте затверженных речей,
Мелькают образы безданных людей,
Принимая стннутые масны...

Это его страна — держава Николая.
А вот родина:

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Чечу и вольной, вольной тинчине!
И вижу я себя ребенком; и крутою
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей...

Гроза бушевала над усадьбой, огромный белый
ствол молний расцвел в небе. В 1941 году гроза
созлава старый лермонтовский язь — именно 41-й
год! На ветках вяза были приделаны его синие
качели. Здесь высота неба захватывала мальчише-

**БЫТЬ МОЖЕТ, И ОНИ ПРОСЛАВЯТ ВОИ
ТАРХАНЫ.**

ский дух, потрясала своей загадочностью, здесь за-
родилась крылатая идея — живой образ земли и
вселенной: «Беллет парус одинокий», «В небесах
торжественно то чудно звучит», «То небо поучило англа
лететь», «Пыльчатый демон, дух изгнания, летал над
грешною землей».
Гроза, как воздушный корабль, развернулась над
Тарханами, и сплоские отполисты и беспредель-
ность. Перед глазами были мелькающие синие качели,
и в реве небесной воды величественно звучал го-
лос пророка, затннутого в военной мушкетр:

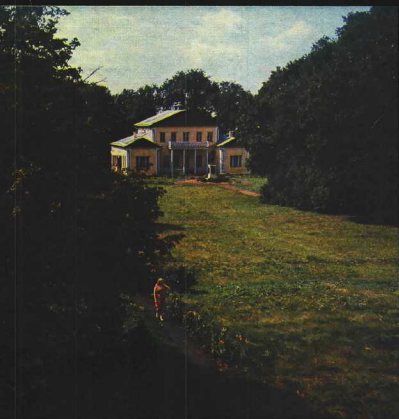
И мысль о вечности, как великан,
Ум человека порывает вадут,
Когда степей безбрежные океаны
Синнет пред глазами; каждый звук
Зарюнина всевластной, немалый час
Страданий или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы немому даем в своей судьбе.

Какие зрелые стихи! А ведь стихи эти ранние.
Впрочем, у него все равно и на всем печать су-
рорной зрелости.

Какой короткий срок от синих качелей под
взлом до величественного образа всемогущей! Вот она,
одна из колыбелей поэзии русской, — Тарханы. Он,
Лермонтов, научившись, кто пришел вслед за ним,
мерить пространство невиданной до него мерой, он
научил всех, кто пришел вслед за ним, чепь пред-
убежденный умом свободным потряться, уроки патри-
стизма, которые он преподал, были и прекрас-
ными и страшными уроками, потому что он научил
современников любить свою отчизну с открытыми
глазами!

Гроза над Тарханами перекатывала каменные ядра
слов, огулашва ревом воды, играя золотыми
сплохами, дамеко-далеко — сквозь пространства и
годы — простирались пророческий свет, создавая
будущее и прошлое.

К Фету и Тютчеву, Блоку и Есенину протнуж-
лись всплшки этих прозрений.

В ЭТОМ ДОМЕ ПРОШЛО ЕГО ДЕТСТВО.

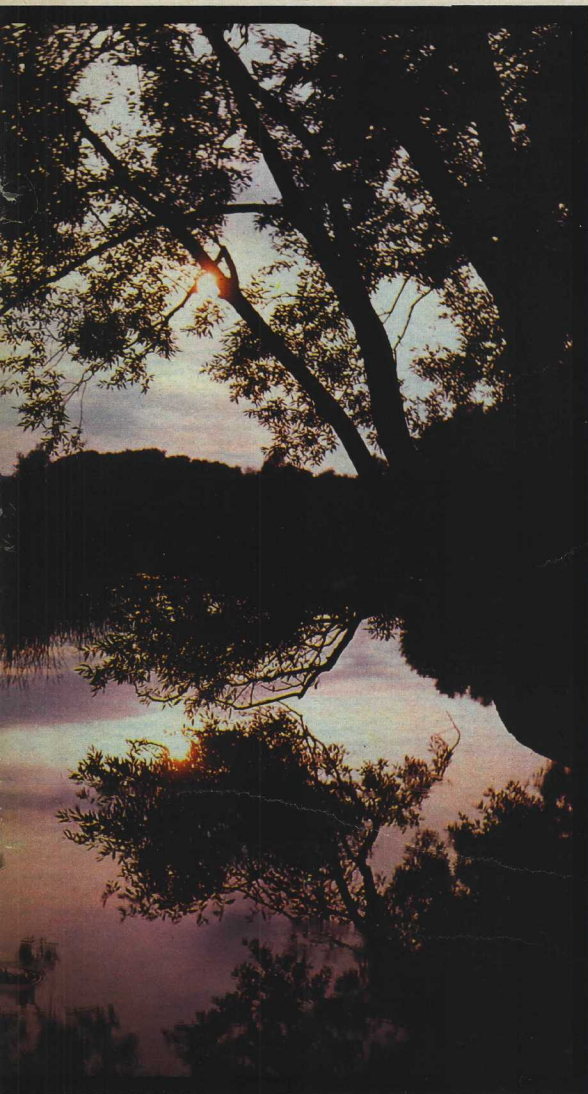
БЕРЕЖНО ХРАНЯТСЯ В МУЗЕЕ ЛИЧНЫЕ ВЕЩИ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

ЗДЕСЬ ВСЕ ДЫШИТ ПОЭЗИЕЙ.

Вот они:

Ито видел Кремль в час утра золотой... (Лермонтов)

В час утра чистый и хрустальный
у стен московского Кремля... (Блон)

Бойсья не смерти я, О, нет!
Бойсья исчезнуть совершенно. (Лермонтов)

Не жаль ли мне с томительным дыханьем,
что жизнь и смерть? Мне жаль того огня... (Фет)

Дело не во внешних совпадениях, дело в том, что поэзия Лермонтова объединяла в себе не только красоту, но и муку и любовь, Россия. Одна единственная его строка порождает целую поэтическую галактику, имена этих галактик теперь всем известны.

Саулушница и ослепший, шел я под горячим паром весенним дождем, гроза не оканчивала нарядный посыл, стекала и крипши таинственно разговаривала друг с другом отблесками света, который излучала гроза.

Сто сорок лет назад он стоял на этой улице, заходила в уютные хаты, грустно обещала отдать им все, если доживет... Он внимательно слушал их. Может быть, тогда и родились эти из пламени и света рожденные стихи:

Есть реч, значенье
темно мьл нечтеною,
но им без воленья
внимать невозможно.

Лучше никто еще не говорил о сущности поэзии. Но ведь рядом с такими воздушными строками у Лермонтова встречаются и тяжеловесные синтаксические конструкции, он не умудренно создавал их, просто такими они родились, потому что поэт никогда не увидела свою музу праздной игрой в слова, он был выше обычных представлений о фактурной работе поэта на оловянных галектике; и прозу его читаешь сегодня с таким чувством, как будто она написана не сто с лишним лет назад, а вчера, сегодня...

Дождь зыбнул меня в сторожку церкви Михаила Архангела, эту церковь Арсеньев построил в честь внука...

Сторожиха встретила ослепшим и приветливо. Гроза еще изрыла пламя, вихри тьмы и света сплелись над нами, и подошла к окну...

Гроза громадала по крышам и корабляла железным шпором. Я распахнул окно и в который раз вдохнула могучую свежесть его стихии... А потом вошел в их семейный склад, зажг свет и спустился по узкой каменной лесенке. Поклонился праху поэта.

«Убили Лермонтова», — вдруг подумала я с такой болью, как будто только что узнал об этом. И через тысячу лет кто-то вновь воспринимает его смерть как смерть очень близкого человека. Нет, как родного брата, который был умнее своей жещи и добрее своей ненависти.

Гроза утихла. Закат горел малиновым огнем, и я поймала себя на мысли, что все время думаю его стихии:

Закат горит огнистой полосой...

Вдруг я почувствовала, что устал, физически устал — таким огромным был этот день.

Очень тяжело с Лермонтовым, прекрасно и тяжело! Казалось, что в Тарханах и уже очень давно, а здесь прождал несколько часов... Он прожил двадцать семь лет. Но так ли коротка его жизнь? Ведь за час можно прожить недели, месяцы, даже годы...

Над прудом запели птицы, сладко пахли распашанные поля. На заасфальтированном пятачке появились тарханские мальчишки. Но асфальт ненадолго задержал их. Поэзия живой землей властно потянула ребят в овраг, туда, где галаз вода, как кто-то короец, трудом плещет, обломки ржавой проволки, веселые радуги связующего чертозем! Детство — Поэзия — живая земля, все как сто пятьдесят лет назад.

Когда весной разбитый лед
Реной аэволюционной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля...

Я покидал Тарханы, по-нашему — Лермонтово.

Помню только черные дымящиеся холмы, прымную грозой синева. И смутно-радостное чувство ревности: хорошо, что Тарханы так далеки от больших городов — в самой глубине России. Хорошо, что равнинной весной можно в одиночестве топтать в адовой аллее, в Крутом саду. Это, лермонтовское, одиночество таит в себе огромную жизнь, оно глубже обычного смысла, скрытого в этом слове...

«Я — терева и солдат» — так сказал о себе, поэте, Михаил Дудин в поэме «Песня дальней дороге». Гривидельный темперамент замечательного сочинителя поэты, жемчужина его поэзии, и в частности чтецкая книга «Жемчуг», изданная Лениздатом в прошлом году, яркая биография фронтовика, мастера, чье дарование сформировалось в огненных бурях века, объединили в мастера Михаила Дудина молодого, чье сердце приблизил к некрополю традиция в русской поэзии, чья судьба складывалась неспроста, зная самою на леса новостей, в пограничном дозоре, на верши субреволюционного зова. Михаилу Дудину интересны поэты новых поколений, жизнью, дарованием, пониманием родного языка связанные с Родиной, с большими теревами мира и войны, с девяткой пятилетки страны, строящей коммунизм. Четкостью и смелостью необходимо гражданской позиции неотъемлемым от творчестве Михаила Дудина, от мужественной и суровой мумы поэта.

Вот как пишет в «Смею» об одном из учеников своей мастерской Дудин: «Олег Цакунов — ленинградец. По образованию и профессии он геолог. По призванию поэт.

Мои стихи оправа
Блокадная Москва.
Я не имею права
На сытые слова.

Это его позиция, внутренняя гражданская совесть перед поколениями своих сверстников, перед Родиной и временем.

Поэзия не основное его занятие, но все-таки моточки поэзии часто залетают под его заступку и тогда щебечут по-своему, свою лезию и своим золотом.

Так мы скажем о молодом поэте только Михаил Дудин. Своими эти строки искренности веры в судьбу Олега Цакунова — человек творческой воле мастера, готового простить любое увлечение и не умеющего прощать только одно — политической близорукости и инфантильности, «гражданского равнодушия, иначе говоря, безразличия к тому, что намче для каждого из нас неотделимо от героического прошлого народа и светлого его будущее. Бескомпромиссность и принципиальность сближали с учителем Олега Цакунова, Александра Рытова, Раису Вдовину.

После того, как стихи Раисы Вдовинной были подготовлены для оправа в «Смею», Михаил Александрович вызвал в редакцию. — Вовсе! — поэт удивительный, — сказал Дудин, — обратите внимание, как крохоточко поэты обугленные от боли строки в стихах о Хиросиме.

И как усложнились стихи самого Михаила Дудина в защиту народа Вьетнама, его земный протест против злодеяний империализма. Стало очевидно, что молодой поэтессе успешно учиться у Дудина постигать науку поэзии, находясь на пороге личной зрелости.

Многие пошла и молодой научилась у поэта и Александр Рытов. Лучшие его стихи о природе перекликаются со стихами Дудина, ставшими гимном России, ее полям и березам, ее перелескам и бесолозу небу, которые мы должны беречь лучше своей жизни, чтобы из поколения в поколение переходила нетленная и незадачная краса. «Скажите, как зовутся люди на полях кружков клевера?» — так обращается к цветам Александр Рытов. И в чистых этих, таких естественных строках еще раз дает себя знать мастерская Дудина, научная одаренность Александра Рытова лирике гражданских чувств и объективно всеобщих мыслей.

Михаил ДУДИН

Письмо из «Красной стрелы»

Когда тебе в не поношении в горе,
Когда слова соучастий им к чему,—
Печальною, с самым собой
в раздоре,—
Я обращаюсь к твоему уму.

Еще не все испробовано в мире,
Еще он светел и не крохоточит.
Улыбка Шекспир не думает о мире,
И Лермонтов о Пушкине молчит.

Еще о Руставели грезит клева
Всей пустотой тоски в монастыре.
И павица в предчувствии похмелья
Еще не проснулась на заре.

Еще не подступили, окружая,
Раскаивая к нему, И наконец,
В блаженной страсти, женщина чужая
Смил на его, как на родной, руке.

Еще меж нами не порвались звенья,
Еще плечо доверено плечу,—
Я не желаю для тебя забвенья,
Я достяну твоей душе чох.

На свежий воздух выныт из угара,
Где, тыщце растенья терба,
Недоумный старая отара
Ждет нынче не Кизима, а тебя.

Бери свой посох. Гор отроги строгим,
Промыто небо тактливо воды,
Смертельное желанье дорог
И есть освобождены от беды.

Идице да будет тебе правый!
Полутым ветром горизонт раздут.
На камнях прорастают травы,
Как на сомненья истины растут.

Воспоминание о Стратфорде

На фоне красного заката
Зеленокса и бела,
Береза в Стратфорде когда-то
Мне переводчицей была.

Во глубине двора транкритра
Я под березою сделал
И слушал бурю дум Шекспира,
Перелестящую преддла.

Шла тьмой страстей сева природа
Из глубины земных порода.
И шестев жемчужина порода
Замычавшая перевод.

Перемерещеньем звоном латен
Держала с будущим сюжетом.
И мир был сложен и пометен,
Как шестьдесят шестой сонет.

Услония

Услония прудумываем мы,
С надвинувшим услонистым споря.
Я сам себе построил две тюрьмы,
Из радости одной четыре сделал горя.

Что мы хотим и что потом творим —
Не спорится, и вырастают стены.
Мир обносится и непотопитим,
И он не может быть без перемен.

Не дает покоя сердцу и уму
Однужды как перелестявший янус.
Я третью тюрьму, кажется, тюрьму,
В которой навсегда уже останусь.

Но, может быть, сквозит сумрак этих стен,
Через туман, качающийся зыбко,
Услония прудумальной взамен
Сверкает и мне улыбочко ошибка.

Наедине

Как нам подлизывает омыт
Своей судьбы и старых впит,
Что иногда тишеящий шепот
Слышней, чем самый громкий крик.

Есть многозначенное молчанье
Открытых глаз на глубине.
Молчи. Сейчас твои молчанье
Всех слов твоих понятий мне.

Олег ЦАКУНОВ

Пора, пора!
За солнцем уходящим
Струится птица в летние края.
И ударит ветер ледоудий
В два паруса, в два верные крыла.

Птенцы орут, и выступают гордо.
В неведомые области слезают,
Отды молчат: знакомая непогода
И гулкой ястребинкой камнепад.

Вонка взлетает тяжело и весно,
Гортанный крик.
Выстраивается цепь,
Взывают птицы над потухшим лесом,

Прощальный круг,
И под крыльями степь...
Легко начать —
уверенные взмахи,
А переиди — не отгаданы что...

Лишь бабены охматные папани
Напомят вдруг далекое гнездо...

Раиса ВДОВИНА

Каштаны

Дожди обухнулись нежданно,
Раскавет Пелава шугадаг,
И с треском падают каштаны
На отсыревшую панель.

В листе опавшем на газонах
Мальчишкин возмездь весь день,
И с треском падает зеленый
Каштан, похоловший на истине.

Момент — и надворье располот,
Над головою сучья хруст,
И навеваю грусть и холод
Дерева, сбросившие груз.

Александр РЫТОВ

Плюды, деревья, семена,
Травы вечерней седины,
Мы нас неважно неучаю,
Скачите ваши имена.

В их перелестях многозначном
Чтоб в звуках отразилась медь
Лесного меда, запах сонный.

Памяти матерей

Замечено глазами всех детей,
 Чья жизнь была с войной минувшей
 спита,
 Что в самый голод нет у матерей
 Обычно никакого аппетита.
 И матери студеной порой,
 Заткнув в окошке одеялом ветер,
 В потелках непослужно жглой
 Свое тепло перешивали детям.
 И под огнем громадных батарей,
 На запястьях телом отпекшая живю,
 Как закрывали матери детей
 В секунду, остывающую взрывом!
 Вот почему когда сошла зима,
 Когда фронты на запад ушли,
 То выросли детские дома,
 Как палатники братской их могиле.

Мой город

Город мой весенний на Неве —
 Отраженный,
 солнечный,
 плывущий,
 Пахнущий водой,
 волной покойя,
 Мечтам блестящий в синеве.
 Парвет толкни —
 И отплывет
 От тебя по мягкой глади вод...
 И, любясь, всякий отменяет,
 Что неруководная работа,
 Если город кто и создавал,
 То великий и бессмертный кто-то.
 Кто!
 Остались в этот ясный час,
 Жаркий день завожоголов и сочев —
 Только древяны холодом обдаст
 Черное дымящее подворотен,
 Только с силою из глубины
 Выпучит доску над мостовою.
 Где асфальт изломанный, взгляни:
 Камень и камню серою топлою.
 Чувствую глыбками руганью вон,
 Неприязнью правозвуковой слыш,
 Как на мраморе дворцовых стен
 Вздурясь предков огненные жилы.
 «...дело прочно...»
 Быть есу в веках.
 Русская надежная работа:
 Город мой стоит на мужиках,
 Как на сваих, загнанных в болото.

Я люблю и любил,
 Той же, ветер,
 Что душа новой далью полна.
 Стороны-то четыре на свете,
 Но родина вокруг сторона.
 Я над,
 Реки верные лгут:
 — Унесла тебя к синим морям!
 Горы мягоки предгорьем присядут:
 — Мы поднимем тебя к небесам!
 Травы крикнут:
 — Бежи к окоему!
 Дождь смеется:

— Под елку садись!
 — Задернись! — шептует ветам
 черему,
 Нежной вишней ласкает сады.
 А усталому сон вздохновенный
 Стог сунет,
 И над ним до зарю
 Осмылевает колос вселенной —
 Хочешь, звезды горстям берни
 Хвойный ветер сибирского хода
 Тронет бронзу рассветных полей.
 Облака,
 Расскажи народам
 О просторной отчизне моей!

Вот так в судьбе совпало,
 Как будто лед спаял,
 И памяти начало
 И жизненных начал.
 Мой город вдохновенный
 На дальнем берегу,
 В могилках — по колено,
 До песка — в снегу.
 Моем сизкам справа —
 Блокадная Нева.
 Я не имею права
 На сытые слова.

Хиросима

Хиросима! Прости за это!
 Ты прости меня, Хиросима,
 Что тебе ни Христа, ни Поэта,
 Что сама ты несострескала.

За удачу эксперимента!
 Что железо над Хиросимой
 Силою тупою злобной —
 Нет надгробные монумента!

Ты прости мне заблужденье!
 Не присвоит новорожденной
 Имя женское «Хиросима»,
 Никогда не присвоит: сирот!

Хиросиме быть сиротинкой!
 Целый век стоять прокаженной,
 Незасвеченной полосой!
 Целый век вкалывать холоду
 Хиросиме в посте и сизме.

Век, беременный Хиросимой,
 Чрево, проткнутое осминой,
 Ты прости меня, Хиросима,
 Что твой пепел неугасимый
 Я бесчеловечно пошевелью.

Все усложняемое, все мудрши.
 Я подхожу и портриту:
 Давая с тобой поговорни,
 Пока тебя здесь негу.

Спасибо, друг, что снял очки —
 Труднее сизовз оправа,—
 А ты гляди в мои зрачки,
 Чтоб видеть только правду.

И ничего, что голоса
 За нами в коридоре,—
 Такие грустные глаза
 Бывают только в горе.

Но молча смотришь сверху вниз
 С аллолбом зрелута,
 Вот так смотрел когда-то Серинкс
 На мудрого Эдипа.

Ты смотришь на меня в упор
 В безмолвии глубоком —
 Так Ворон на Эдгаре По
 Смотрел холодным оком.

И от молчанья твоего
 Все призрачно и шкото.
 И мне сейчас всякий всего,
 Куда девалась шапка.

И семени подснежника свет,
 И зной, и солнечные сохи,
 И непугающая смерть.

В изванных ваших вечный рост,
 Гуденье тиши, вичанье ос,
 Мое в них что-то отразилось:
 Мое дикненье, мой вопрос,
 Рука, седая от росника.

Какая между нами даль!
 Позвольте, если вам не жаль,
 В головах ваших разобратся...
 Как радости в зелени братстве
 Вероник сияла печаль!

Мои свидетели и судьи,
 Я к вам приступлю навею.
 Но мне чуть-чуть от вашей сутн...
 ..
 Скажите, как зовутся люди
 На нашем хрупком языке!

Рисунки Валерия ОКУНЕВА

Тигода

Просыпалась речка Тигода —
 Отзыпалась речка тихо так.
 Проплывала елочке медленню —
 Не тонуга в речке медь ето.

Тышнена ее приличива,
 Что вода ее черничива,
 Что гудение пичное,
 Чуть заедта электричкам,
 Чуть проникнута былинами,
 Чуть шагали по мостикам ее,
 Полоскавель и дружки быльем...

А у дна вода — малинсава.
 Берега ее широкие
 В черных ягодах черемузи,
 Да ступей цветико-шелковой
 Хмель стекал в мушники желтые.
 А над логом, к лесу, сотынам
 Дудич выфосини зонтичи.
 А над помяно малиною,
 Над ее кустами торычим —
 Сухостоу — рога лосные
 И ресничи шмисто-добрые.

А под вечер страсти разные:
 Киевра зардевет марсам,
 Дрогнут эдерками осмины.
 А бутры заблудят козам
 Быть лугам золотоглазими —
 Лагушата повывлазуют.
 И туман — река без имени
 Хлынет с оксиди, как с замком,
 Буде коцца, слинаясь в озеро...

И пахнет ядром ранней осевью.
 И всплывает холмам над Тигодой,
 Рыба-юг, как в сизках водится —
 Между ребер пашин, выгони,
 Между глаз торчит околина.
 Там Гогост — деревня древняя —
 Тихий острол за деревьями,
 За свецтичними конянами...

Ты когда была здесь вионана!
 Ты когда была здесь срублена!
 Сколько раз звонела угланми...
 И оплету цветные росычи.
 Петуши поют над росычи.

Один спектакль минувшего сезона

Тихие зори

Анатолий ГОЛУБЕВ, Мирослав МУРАЗОВ [фото]

Есть даты, годовщины, которые сердце, кипящее кровью и гневом, протыкает, отмечать, но воспаленная память, живущая в нас, ответственность перед грядущим обязывают помнить об этих датах всегда...

Есть театральные спектакли, которые нет нужды смотреть дважды. И не потому, что они плохи. Напротив, они прекрасны. Но и за один вечер они наполняют тебя, как чашу до краев, мыслями и чувствами, разобравшись в которых требуется время...

Тихие, тихие зори России... Над узкой вертеповой речкой. Над высоким, словно золотым порочным обрывом, горделиво вытолкнувшимся, как невесту на смотрины, к самому своему краю красавицу сосну.

Ласково — двигаться не хочется:

ИХ СВЕЛА ФРОНТОВАЯ ДОРОГА.

ДЛЯ ИВТЕРЫХ ИЗ НИХ ОН БЫЛ ПЕРВЫМ И ПОСЛЕДНИМ БОЕМ.

сплугнуть боишься — играет светлина в разных узорах густо-темной, дремлющей кроны. Сырая, прохладная грава обржена росой — посмотришь против первых лучей, и кажется, нашел серебряный клад, единственный, немисчислимый...

Небо еще темное над головой и бирюзовое у дальнего, восточной, кромки леса. Светлина разливается мягко, но властно. И краски меняются так же — от бирюзового к розоватому. И может, именно беспешность эта хранит так долго впечатление тишины и покоя, увидеть и познать которые доводится лишь на немной и невнятной русской заре...

Россия

Взгляд
из зрительного
зала

Наверно, это очень тяжело — умирать в такие минуты...

Об одной из русских зорь рассказал в своем спектакле Московский театр на Таганке. Это инсценировка одноименной, подкупающей лиричностью и певучестью интонации — слушателю только: «А зори здесь тихие...» — повести молодого писателя Бориса Васильева.

Война. Обманныча тишина военных зорь. Даже здесь, на второстепенном, почти тыловом объекте, где служат в отряде старшина Васков и русские девушки в солдатских шинелях. На войне не бывает таких мест, где война не бывает тихих зорь. В любую минуту война влывается в судьбу человека. И потому, быть может, война, как ничто иное, проверит цельность человеческого характера и значимость личности.

Война и женщина... Два противо-

стоящих истоков веку познания. Противостоящие по самой философской сути: война призвана уничтожать жизнь, женщина — создавать ее. И потому таганкинский спектакль, продолжая великую добродетель русского классического искусства, любовно лпшшевое неповторимые образы русских женщин, так трогает своей чистотой и искренности, хотя в нем и находится женщина, которая позволяет иному человеку пощипать сплюснутыми губами.

Война и женщина... Собственно говоря, они еще совсем девочками, героини нашей истории. И Лиза Четвертая, и Соня Турчин, и Гала Бричкина, и Жена Комельова, и Рита Осипина. Но надежда на них была лишь судьиным уже хлебнула полную меру жизненных испытаний. Одна осталась вдовой в порыв десь войны, только помножившись и радости короткого продвинутого семейного счастья. Другая, детомама, сочинила себе маму-врану, любящую и заботливую. Креденно любовью насытились третья...

И так скорлуплентально, безжалостно, как только может случиться на войне, пришли все они и итоговому рубящему испытанию смерти...

Война... Она огромна с миллионными армиями. Она и мала — всего в девять граммов весом — для каждого человека. Где бы воюющий ни был, чем бы ни занимался, ему отведено свое место в событиях, неотвратимых по масштабности. И востать, сделать все, выполнить долг перед родной землей, перед своим наземным членом в жизни, даже ценою собственной жизни... вот это и есть война. Судьбы народов складываются из миллионов отдельных судеб. И только

ОНИ ЛЮБИЛИ И БЫЛИ ЛЮБИМЫ.

СЛОВНО САРАНЧА, ФАШИСТСКИЕ ЕВРЕЯ СЫЛЮТСЯ НА ЗЕМЛЮ...

мо честное, бескомпромиссное исполнение долга каждым прождет тот великий поток, который называется народными подвигом.

22 июня 1941 года...

Тридцать лет прошло с того дня. Усталое забытьелось многое из военного билгого. Когда в фоие Театра на Таганке, заплеснутого возбужденной нарядной толпой, выдодит старшина Васков с ружьем сиреной и наполняет воздух тревожным революцид собираются вокруг него плотным любознательным кольцом. На их лицах ничего, кроме будничного, спокойного удивления. А когда Васков срывается в зал, сиреной как бы пригласила и началу спектакля, у входе, застывшего издвигшей вды пашпалатки, в неслыханности замывают первые зрители; нелегко, болезно дотронуться рукой до предмета, столь непривычного в привычной мирной обстановке. Нелегко коснуться этого зеленого полога, ибо за ним прошлое, такое далекое, такое странное... Но после спектакля зрители будут рашительно отодвигать палатку югов, будто предмет, ставший для них обычным в колесной уюте отдельных квартир мирного времени.

Проста и безыскусно рассказанная Борисом Васильевым и Юрием Любимовым не проигнорированная в эрмеек странного логосиса военного батального подвига. Пять девушек, имена которых нам уже известны, во главе со старшиной Васковым идут выдвигать даух фашистские диверсионцы. Идут в бой, идут спокойно, решительно и удивительно человечно. Как и ждд...

На беду, врагов оказалось куда больше. Невзвешенный, страшно испривично вот так сразу в бой. Да еще в какой-бой! И доводчии воюют, как могут; и наивной зтиростью и беспредельной самоотрченностью. Мертвнны силы, и нелепо гибнут одна за другой девочки. Как ревенка, как символ вечного жизненного круго-

движения вращаются зеленые доски. И в смертную минуту прыдет перед командой девочек сызны такой нереальной — куда как нереальнее, чем смерть — мирной жизни. Пустаконные сами по себе воспоминания. Но для наслов они сама жизнь, да что умрутко сегодня в гости перелесне между двумя толпами, пытались задержать диверсионный отряд врага, чтобы гасило там, за толпами, погоню и рашично шли в фронту теплушки с парнями в зеленых шинелях, платформы с оружием, шли будущие поезда победы.

И в тотже незабываемый год. Конец на сцену останет. В театре меду воедет... Ей мить бы хотелось иначе — Носить длагодичный наряд, Но мочи — все сплунуть и сплунуть. А изды — гордт и гордт.

Столетие промчалось, и снова. Идм в тотже незабываемый год. Конец на сцену останет.

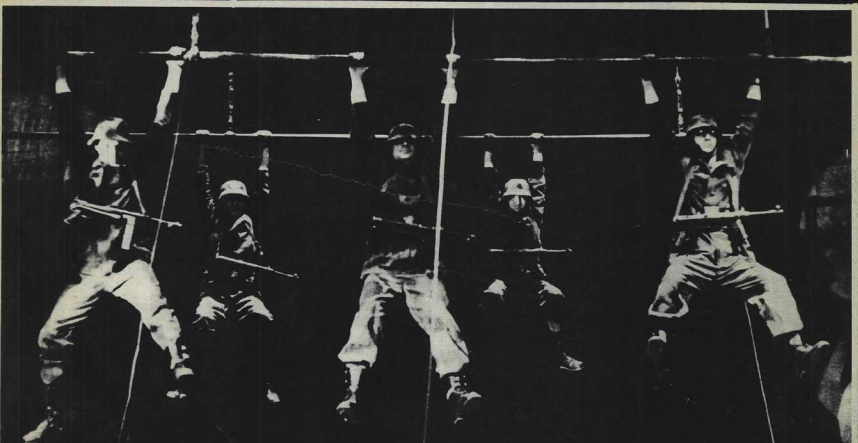
В театре меду воедет... Ей мить бы хотелось иначе — Носить длагодичный наряд, Но мочи — все сплунуть и сплунуть. А изды — гордт и гордт.

Да, в ту последнюю для них совсем не тихую зору они думают о жизни, они страшно хотят жить и потому, наверно, понимая нелюбовность и красоту жизни, умирают за нее, как настоящие солдаты, без ложного пафоса, без унижающего человека фальшивого безразличия к смерти. Бдд вместе с человеком, из жизни уходит оскопок бытия, пусть невнятный оскопок, пусть свершавшийся нелепо, но в его синице свет народнои мудрости и любви, тепла и величодушия.

Как придет человек к этой своей последней минуте, как пройдет он изначисне испытание смертью, можно судить о том, как он жил, какой была сама жизнь и каковы потенциальные силы народа, вскорбившего эту жизнь.

Где на обреченной последней старшина Васков и его бойцы, не испытывавшие жалости — она уничтожена для таких людей, как они. Лишь ощущаешь, будто с тобой происходит эту безжизненную грань бытия и небытия. Великая сила искусства, заставляющего быть сопричастными и горю, и радости, и рождению, и смерти.

Он по-настоящему театрален, таганковский спектакль. И в этом одна

из инстинг его подкупающих особенностей.

Тепралеи, начиная с фюе, когда раздаются первые звуки сирены, запущенной старшиной Васковым.

Специальн театралеи наковое детально оформленные, и прежде всего зелеными бортами камуфлированного грузовика, военного транспорта, трущегося где-то на фронтовой дорожке. Бесшумны и пыльные, превращающегося то в бачно, то в зеленую лужанку, на которой загорают девчонки защитным насом.

Специальн театралеи даже такой, казался бы совершенно натуралистической детально, как спуск немецкого воздушного десанта: егеря, подорожно саранче, ваяются сверху на лачу землю.

Театральность в том, что разрозненные фашистами ботры грузовика становится то лесом, то землей, то только болотом. Наконец, супкой солдатской могилы, примыкающей в свою теснину человека, которые уже больше ничего не могут сделать для защиты своего отчества.

Специальн театралеи и после того, когда практически закончился представление. Когда притихшая, вытесненный зал, на несколько часов раздумывающ до размеров необятной родной земли, и в полумраке фюе увидит теснину, на которой падает снарядный гильз-смельников подобно неизвестным солдатам, уходящим в бессмертие.

Еще не поднялся над русской землей Монумент Победы в величавой из вои, которую только знала наша планета. Думаю, что не по нерадивости наших — дескать, недорога память тех, кто телом своим, сердцем прибрл отчужденно от нагрянувшей беды. А потому, что нелегко, ой как нелегко, создать Монумент достоянием того времени, величия народного подвига.

Еще не поднялся над русской землей Монумент Победы, но памятник народному подвигу воздвигнут, воздвигается и будет воздвигаться нечно: в наших сердцах, в наших мыслях, в наших делах. И долго еще земля

русская не родит истинного художника, который бы не положил частную своего таланта в фундамент того избранного памятника, каким является искусство. Как это сделали главный режиссер Театра на Таганке Юрий Любимов, актер Виталий Шаловалов (старшина Васков), артистка Татьяна Жукова (Тайя Четвертак), и Зоя Шильцова (Саша Гурани), и Елена Коринкова (Лиза Бричкина), и Нина Щацкая (Жена Козырькова), и Зинаида Славина (Рита Оснина). Как это сделали все, кто искусством своим и подлинной художественной душой участвовали в постановке.

Не знаю, можно, наверно, спорить о проблемах театра актера и театра режиссера, но мне кажется, должны быть счастливы и автор, и режиссер, и актер, создавшие спектакль, в котором нет зрителья, а есть соучастники события: нет равнодушных, а есть взволнованные люди, прошедшие высокое нравственное и почти физическое испытание. Это счастье — создать спектакль ставший явлением мирового театрального искусства, высшим, искренним словом напомнимшим современникам, что не мог одолеть народ того таинственного нашествия, которое началось 22 июня 1941 года.

Есть даты, годовщины, которые сердце, мнящее кровью и гневом, пронизывает омерзело, но воспламеняет память, жгущая в нас, ответственность перед грядущими обязывает помнить об этих датах всегда. И в переплет дум и позарядка того инстинкта, да ваять огни макского победного салюта.

Есть театральные спектакли, которые нет нужды смотреть дважды. И не потому, что они плохи. Они прекрасны. Просто за увиденным жажда илать новую работу театра, которая, вернувшись, будет еще ярче, значимее, которая назовет тебя, как чашу до краев, новыми мыслями и новыми чувствами.

ПОДОВОЮ НЕИЗВЕСТНЫМ СОЛДАТАМ. СТОЯТ ПЯТЬ СНАРЯДОВ ГИЛЬЗ СМЕЛЬНИКОВ.

в мочеге они устранивались основательно, словно рассчитывая прожить здесь по крайней мере неделю: выбирали место посуше и поровнее, но не слишком далеко от воды, рубили мягкий лиственный лапник, маленькие колья для растаежа, а больше — под палатку и тент — были заготовлены еще на первой стоянке, и они вошли их с собой в лагерь.

И пока они обуродовали лагерь, пока вытескивали из лодки спальные мешки, собирали сухари, разводили костер и подвешивали над огнем чайник, сын обирал уходя на ближайший перекат — ловить харькусов. Когда же он возвращался, несла тяжелый кулак, рыба было много, брали она хорошо — Сергей поворачивался к жене и нарочно громко говорил: — Ты только погляди, Оль, какой у нас парень вымахал! Рыбак Добычник! А ты предлагаю оставить его дома с бабшкой. Что бы мы здесь без него делали!

Жена скептически усмехалась, супруга Сергея, но едва лишь сын приблизился к костру, хмурилась, подозрительно оглядывала его одежду и тревожно спрашивала: — Оплать весь мокрый!

Сын отставлял взгляд на берегу, покорно брел к палатке. Потом он снова возвращался к костру — уже в теплом зимнем костюме, в свитере и кедах — усаживался в створике, приставая сапоги подошвами к огню, а Сергей, раздвигая у воды харькусов, поспрашивал на него, думая, что сын все же держится молодцом: не кепричничает, не хнычет. Ну, а если он больше поговаривает, По скольким голышам бежали хлопотливые тругоскуи, иногда с пронзительными криками пролетали над водой оторванные плахи, Сергей не успевал их рассмотреть, а сын всякий раз чуть сидывался и, вытгвая шею, спрашивал: — Пала, что это?

— Кулики, наверно, — не оборачиваясь, отвечал Сергей. — Да нет, нет. Это. А вот так, вроде далеко поедат идет. Разве ты не слышишь?

Собой напряженно прислушивался, пытаясь что-нибудь уловить сквозь назойливо комариное пение над ухом, удивленно смотрел на сына, однако, вспомянув, как сам же и говорил ему, что грохот порога издали напоминает шум идущего поезда, понимающе кивал. — Ну, знаешь ли, старина! — Он подоидя к сыну, ласково трепал за плечо, обнимая, прижимал его голову к жесткому брезенту своей куртки — Ну, знаешь ли! Это ты лхот! До шестого порога нам еще тнуть и тнуть. Ты на-

Светозар БАРЧЕНКО

РАССКАЗ

расно беспешисши. Все равно его отсюда не слышно. Пойдем-ка мы лучше с тобой на репку.

В палатке они раздевались, стпавившись локтями и мешая друг другу, вздрагивали от прикосновения к влажной ткани, а Ольга терпеливо ждала, пока они успокоятся. Она укрывалась их куртками, сначала сына — он спал в середине, — потом дотгивалась к Сергею, шутливо проговаривала, что оба они как маленькие и без ее нустанных жидк давно бы пропали, и, укрив их наконец, начинала укладываться сама. И как только она затаила, сын теснее придвигался к нему и затеивался. Но Сергей знал, что тот не спит, а не моргает, да рези в глазах всматривается в суровое, вслушивался в неясные шорохи за ненадежной стеной палатки, в хлюпающие исплески на реку, и при каждом таком звуке у него замирало сердце от подытавающей к груди сладкой и восторженной жуты.

Ощущение это было хорошо знакомо Сергею. Точно так же воспринимал окружающую темноту восточные коды-то и о том, вставаяе очутившись в эдешних безлюдных краях. Правда, было ему в те времена лет не восемь больше, чем ему сей час...

Студент-практикант, числился он тогда техникумом в геологической партии и занимался как писалось в отчете, «эпизодичными поисками», а на самом же деле охотился, рыбачил, перетаскивая мануальное снаряжение... Неких месторождений они не открыли и без особых трудностей выбрались в верховья этой реки.

В маленькую деревушку Усть-Шунью сплывали на плотах. Плот Сергея перевалился на первом же пороге. Два шиха образцов и радиометр оказались на дне. Лышка вляпавшись сразу, а за радиометром им пришлось долго нырять в згущую осеннюю воду поочередно со старшим коллектором, обвзавшись веревкой, однако прибор так и не нашли. Должно быть, его затопило под камнями...

В нынешней поездке своим несомненным для них было, помаял, то, что в Усть-Шунье, где они догваривались с инспектором рыбнадзора о лодке и тот после разговора предложил остановиться на ночлег в его избе, Сергея вдруг узнали.

— А ведь я тебя помню, — сказала ему жена инспектора, когда, расположившись в просторной комнате с медвяно крашевыми полами, они сидели за столом и пили чай, — ты же был парнем совсем другим... — Табы, инна, А! Это же ты у нас, поди, но сеновале-то с экспедицией гостевал! Ай, может, обознался?

Недоумевая, Сергей взглянул на жнну инспектора, и внезапно в глазах, в изгибе бровей и губ, в наметившихся редких морщинках у рта и висков — во всем, полнотею и грубоватости лице — проснулось что-то оиечно знакомое. Он тоже вдруг узнал эту женщину и, запявсь от радостного волнения, не совсем уверенно проговорил:

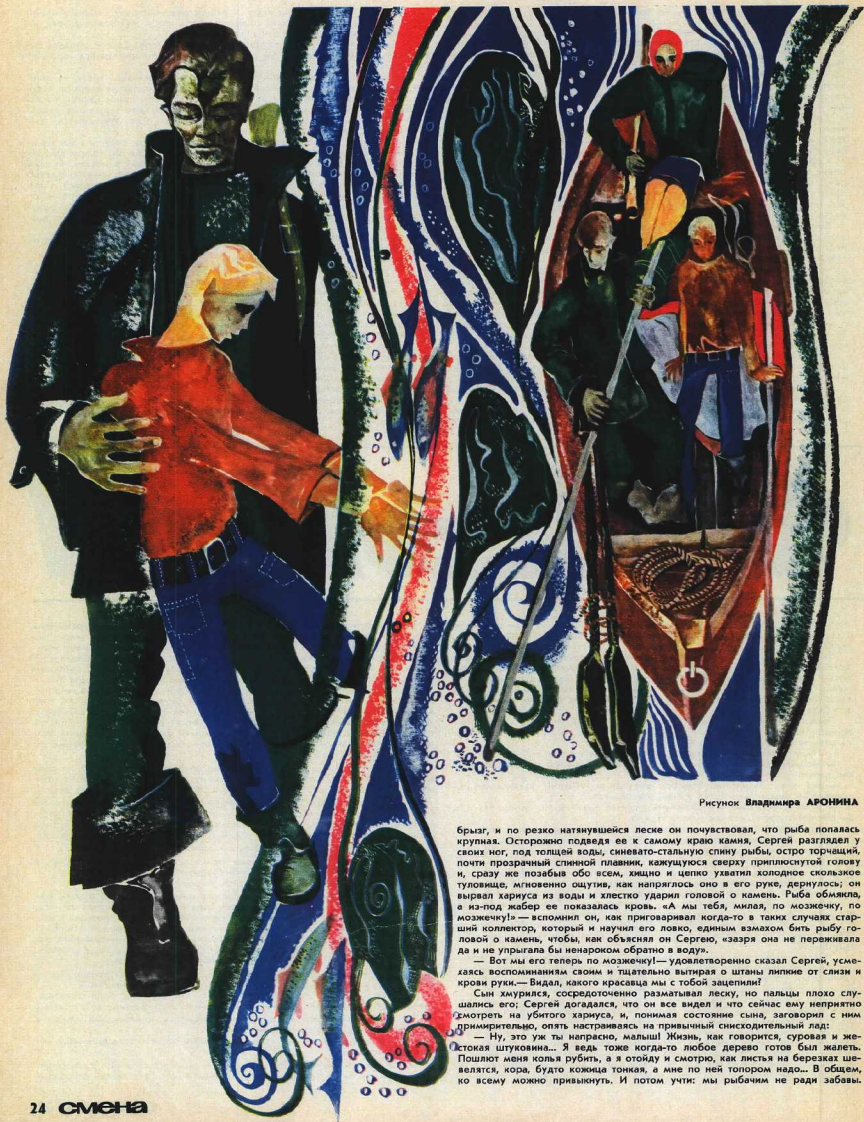

Рисунок Владимира АРОНИНА

брызг, и по резко натянувшейся леске он почувствовал, что рыба попалась крупная. Осторожно подводя ее к самому краю камня, Сергей разглядел у своих ног, под толщей воды, сияющую-стальной спиной рыбки, остро торшащую, почти прозрачный спинной плавник, кажущуюся сверху приплюснутой голову и, сразу же позабыв обо всем, хищно и цепко ухватил кондовое скользкое туловище, мгновенно ощутив, как напряглось оно в его руке, дернулось; он вырвал хариуса из воды и хлестко ударил головой о камень. Рыба обмякла, а из-под жабр ее потекла кровь. «А мы тебя, милая, по моззечку! по моззечку!» — вспомнил он, как приговаривал когда-то в таких случаях старший коллектор, который и научил его ловко, единым взмахом бить рыбу головой о камень, чтобы, как объяснял он Сергею, «зазря она не перживала да и не упрятала бы ненароком обратно в воду».

— Вот мы его теперь по моззечку! — удовлетворенно сказал Сергей, усмехаясь воспоминаниям своим и тщетно вытирая о штаны лишние от слизи и крови руки. — Видал, какого красавца мы с тобой зацепили!

Сам хмурясь, сосредоточенно разматывая леску, но пальцы плохо слушались его; Сергей догадался, что он все видел и что сейчас ему неприятно думать на убитого хариуса, и, понимая состояние сына, заговорил с ним примирительно, опять настраиваясь на привычный синхронизительный лад:

— Ну, это уж ты напрасно, мальш! Ижизь, как говорится, сурова и жестокосна штука... Я ведь тоже когда-то любое дерево готов был жалеть. Пошлют меня колья рубить, а я отойду и смотрю, как листья на березках шелестят, кора, будто кожа тонкая, а мне по ней топором надо... В общем, ко всему можно привыкнуть. И потом учти: мы рыбаки не ради забавы.

ПУТЬ В КА В

«Дорогой Виктор Афанасьев! Может быть, Вам и не нужно говорить о том, что Ваши стихи понравились мне чрезвычайно. Понравились в целом, как явление, как тенденция, требующая развития и продолжения. Это письмо почти десять лет назад получил начинающий литератор в отъезе на рукопись, впервые посланную Павлу Григорьевичу Антокольскому. Письма выдающихся советского поэта, чье самобытное творчество отмечено как литературная общественность страны, и начинающего литератора и его жене Любе Афанасьевой, талантливого математика, — не просто человеческий документ, свидетельствующий о большой заинтересованности Антокольского в развитии двух литератур, а в судьбе близкого ему по духу молодого поэта. Это еще и школа воспитания гражданственности, характера и художественного вкуса, школа мастеров».

У почтительной и весьма гнишчной из нашей советской литературы дружбы мастера и ученика есть свои отрядные теоретические итоги: вышед-

шая недавно в свет заметная книга Виктора Афанасьева «Цель золотая». И, что тоже немаловажно, не только Антокольский стал близким для Афанасьева человеком, но и общение с молодым поэтом теперь — безусловная потребность самого Павла Григорьевича.

Антокольский последователен: сначала — письма к поэту, затем напутствие в печати, и внутренняя рецензия на рукопись книги для издательства «Советский писатель», и, наконец, резолюция В. Афанасьева о Союзе писателей СССР...

Антокольский никогда не жалел себя для молодой талантливой смены советской литературы. Радам с ним — всегда молодые.

«Я вас очень, очень люблю и уважаю» — это сказано не только в адрес Виктора Афанасьева. Это обращено ко всем талантливым, одержимым поэзией, безразлично шагающим в ее затерянный день.

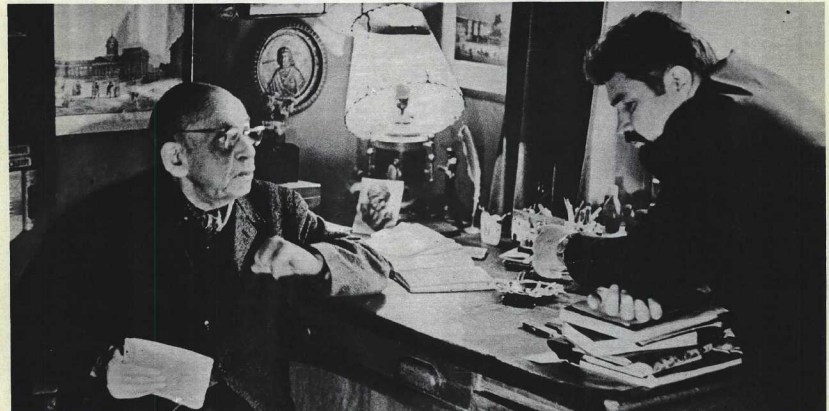

Фото Альберта ЛЕХМУСА

Павел Антокольский и Виктор Афанасьев.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ — ВИKTOPУ АФАНАСЬЕВУ

письма разных лет

Не слышать отклика на свою работу — дело, конечно, не легкое, но так или иначе с этого начинают все без исключения. Так и должно быть! Отклика всегда приходит неожиданно. Это бесплатное признание, выигрыш по старой облигации, случайность, не более того. А труд любого поэта (писателя, художника...) требует сам по себе замалки в одиночестве. Это лучшая школа. Впрочем, судя по Вашим стихам, Вы человек очень начитанный, остроумный, с большими и ясными идеями. Впрочем, судя по Вашим стихам, Вы человек очень начитанный, остроумный, с большими и ясными идеями. Впрочем, судя по Вашим стихам, Вы человек очень начитанный, остроумный, с большими и ясными идеями.

Теперь о стихах. Главнейшее достижение в том, что они нагружены мыслью, и эта мысль почти всегда нашла для себя серьезное, сжатое, экспрессивное выражение...

«ПЕРВОИСТОЧНИКИ:

ОКНА В ПРОШЛОЕ» 25. VIII. 63 г.

Дорогой друг Виктор! Хорошо, что успел получить Ваше письмо как раз в день отъезда, поэтому смогу ответить...

К большому сожалению, плохо помню, что писал Вам о «Венце сонетов»: самый «Венчик» у меня где-то спрятан, но нет возможности сегодня искать его. Но вот главное из того, что запомнил.

§ 1. Не смотрите на эту работу только как на упражнение, на развитие мускулатуры. Наоборот! Дело, стоящее вселенского развития.

§ 2. В связи с этим мне нравилось Вам — подумайте о КОМПОЗИЦИИ целой вещи, вопреки ее законной форме. В частности о том, чтобы у отдельных сонетов (как четырнадцатистроичных ПЭВМ) был свой сонет в этом смысле «Венчик».

О Феофане Грече тоже писал в том письме — тогда Вы, смутно помню, что именно. Мне кажется, что Вам следует (на поступок и в наш) расширить свой КРУГГОРО. Дело ведь не только в изобразительном искусстве той эпохи, но и во всей русской культуре — одинаково Новгород и Московский Совете. Вам прочесть курс истории древней русской литературы Гудий. Это очень надежный и интересный обзор всех явлений словесности на фоне истории народа и государства. Кроме того, есть несомненно сборники старинных русских повестей. Таких вещей, как «Повесть о Горь-лоскостях», «Повесть о Петре и Февронии Муромских» и

поэзиями (XVII в.) «Повесть о Савве Грудимине», «Повесть о Ерише Ершовиче», «Калызинская челобитная» — очень много дадут Вам материала свминого, но несомненно. Один «Фрол Соболев» чего стоит! Это ПЕРВОИСТОЧНИК! она в прошлом. Вот, мой друг, что я могу посоветовать Вам издалека...

Шлю самые дружелюбный привет Вам обоня, Любе и Вам.

«МЫ ЗА МНОГОЕ

ОТВЕЧАЕМ...»

9. III. 64 г.

Милый друг Виктор! Мне глубоко приятно и близок самый замысел: по-новому интерпретировать гениальную «Повесть о Горь-лоскостях». Из всех русских поэтических драм этой эпохи мне особенно дорога с самых юных лет, еще с гимназических. Так что в этом пункте мы очень сохдимся.

Многое Вам удалось. Понял, и все удалось — за исключением финала (фабульного, а не лирического). Следует ли НОВОМУ ПОЭТУ читать

«С ЭТОГО НАЧИНАЮТ ВСЕ»

8. X. 62 г.

Дорогой Виктор Афанасьев! Может быть, даже и не нужно говорить о том, что Ваши стихи понравились мне чрезвычайно. Понравились в целом, как явление, как тенденция, требующая развития и продолжения. Но прежде всего я хочу предупредить Вас: вот о чем! Вашей горюхи по поводу того, что, дескать, трудно пробить бетонную стену чужого равнодушия, — я никак не могу принять.

РЕКОМЕНДУЮ...

Публикуя рекомендации в Союз писателей СССР, данные выступления молодым литераторам известными мастерами советской литературы, мы не только узнаем, как пишется рекомендация, но и как бы приспосабливаемся к стилю и ритму творческой традиции, помогающей воспринять литературную смену. В этих строках напутствия и советы от уважаемых учителей и коллег, а также взгляды мастеров на место писателя в рабочей стране.

Если в этом строго документальном справочнике некоторые данные литературной статистики, то получается, что за промежуток между двумя последними писательскими съездами принято в СП СССР тысяча двести литераторов, пишущих на смеси десяти четырех языков народов и национальностей нашей страны. Вместе с ЦК ВЛКСМ Союза писателей изо дня в день следят за успехами молодых, помогают им и приветствуют новое пополнение в писательских рядах.

Михаил ШОЛОХОВ:

Рекомендую принять в члены Союза писателей молодого литератора, работника газеты «Ирбасна звезда» Боренюкова Николая Егорича.

Солдат, проважались из конца в конец всю войну, полпути роты, водивший бойцов в атаку, автор правдивых книг: «Гроза над Десной», «Птицы летят на Сибирь», «Вербей пробудается зимой» — достоин быть в рядах советских писателей.

Маргарита АЛИГЕР:

Я давно знаю Ларису Румучук. Впервые она пришла ко мне со своими стихами лет восемь, если не десять то назад, и тогда, по совети говоря, показала мне мимолетным поэтом, верней, поэтессой, и потому, что она была молодой и хорошенькой, я была почти уверена в том, что поэтом она не станет, что жизнь навялит на ее плечи все свои горючие и сладкие тяготы и под этим грузом хрупкое ее дарование не устоит и уйдет в песок. Мне много в жизни своей уже приходилось видеть подобных случаев, и чаще всего случается, разумеется, с женщинами, с «поэтессами». Жизнь показала, что не сей раз я ошиблась, и признаю свою ошибку не со слуханием, а с радостью. Лариса Румучук устояла под тяжестью жизни и не потому, что дарование ее оказалось не столь хрупким, как показалось мне с первого взгляда, а потому, что поэзия, выраженная себя, чужда ослухам, мыслей и впечатлений своих в стихах оказалась не случайностью, а истинной потребностью ее души, ее человеческого существования. Она принимает глубоко в свою душу потрясения века, его громадность и многозначность.

Она с тревогой и беспощадностью к себе дуем о ремесле своем («Стихи о ремесле»), о чьей-то огде-то ей непонятной огромной и непонятной любви, об ответе персе доброй бабушки и чистой дочке, обо всем, о чем, наверно, задумываются все думающие, мыслящие молодые женщины с совестью и душой, но у нас все это неизбежно становится стихами, и если они не потеряют своей таланта, то всегда трогает, даже в стихах вроде бы и несерьезных («Шубеа»).

Я воздержусь от оценки определенной меры дарования Ларисы Румучук, но я теперь уже не сомневаюсь в том, что она всегда будет писать и писать честно и серьезно, и поэтому считаю, что она имеет право быть членом Союза писателей.

Константин СИМОНОВ:

Рекомендую принять поэта Владимира Самарова в члены Союза писателей СССР. Знаю его по его первой напечатанной в Ивановской книге стихов, ясно свидетельствующей о его самобытном даровании, и по многим стихам, которые я читал после этого в рукописях.

Думаю, что это молодой поэт со своим голосом и своей поэтической повядкой, что мы не ошибемся, приняв его в Союз писателей, хотя пока у него вышла всего одна маленькая книжка стихов.

Расул ГАМЗАТОВ:

С Александром Шевелевым я познакомился осенью 1968 года в Дагестане. Слушая его стихи, и у меня сложилось о нем впечатление, как о поэте серьезном и вдумчивом. Мне очень по душе его любовь к России, в ее людей, простых и душевно чуждых. Эта любовь очень тонко выражена в книге А. Шевелева «Август». Молодой поэт наблюдатель, чутко к слову, тактичен в выражении отношения к людям, к родной природе.

Я много стихов читал о Дагестане. Часто они воспринимались Александром Шевелевым как диалог стихов о Дагестане своим продолжением. Этот восторг и выразил свою любовь к людям страны гор нетронуто, но искренне, почитно.

Когда я читал самобытные, энергичные стихи А. Шевелева, я думал, что он уже является членом Союза писателей. Только в дни дагестанской декады в Ленинграде я и подтвердил желание молодого русского собрата и с удовольствием рекомендую его, А. Шевелева, в члены Союза писателей СССР.

Кайсын КУЛМЕТ:

Голос балкарского поэта Салиха Гуртуева свеж и полон энергии, своеобразен. Молодой поэт постоянно ищет новые средства художественной выразительности. Его стихи и поэмы обращены к современности, к вере в жизнь. Салих Гуртуев хорошо владеет стихотворной формой, не выпадая при этом в варочность и вычурность. Его творчество развивается в хороших и благородных традициях русской и балкарской поэзии.

Я верю в будущее С. Гуртуева и поэтому рекомендую его в члены Союза писателей СССР. Я уверен, что это право даст ему две книги стихов и поэм, а также целый ряд произведений, опубликованных в периодике. Я считаю его одним из талантливых молодых балкарских писателей.

Сергей ЗАЛЫГИН:

Рассказы Ирины Ракин отличаются точностью деталей, умением видеть и передать живую картину жизни, обстановки и настроения героев. В этом легко убедиться, прочитав, скажем, такие рассказы, как «Катилоса толмечок», «Хозяин и Другое».

Язык ее томен и выразителен, он всегда создает определенную тональность, которой сам автор умеет следовать, почти нигде не нарушая ее.

И. Ракина достаточно повидала, побывала в разных местах Сибири, общалась с разными людьми. И это, как здесь можно так выразиться, былова читателю чувствовалось неизменно. Также немаловажного качества.

Одним словом, я вижу здесь профессиональный уровень и рекомендую принять Ирину Ракин в члены Союза писателей.

Микова БАЖАН:

Я прочитал и отдельно изданный сборник рассказов Юрия Логина и новеллы, помещен-

ные в разных периодических изданиях («Уральские» «Днипро», «Препар», «Ранок» и др.). Я знаю не только литературное творчество этого молодого человека, но и его графические работы. Обладает художник, иррегулярный, углубленный в поиски — поиски точного красивого слова в письменности и точной красивой линии в искусстве графическом.

Относительно его литературных произведений. Он новеллист, в данном случае ни его больших повестей, ни попыток создать романы я не знаю. Думаю, что это и верно — начинать литературный путь с того, чтобы приобрести мастерство выразительности, точности конструкции в жанре. Больше всего таких особенностей требуется в новелле.

Ясно, что не все новеллы Ю. Логина одинаковы, есть, однако, глубокое проникновение в жизнь, одинаковое напряжение и динамическое построение сюжета. Молодой автор не преодолел тяготения к романтической красноте, которая есть и в «Фрильях мастера», и в «Зимней легенде», и в «Абразской легенде». Что ж, прости молодого автора: лучше это тяготение, чем серая, бескрылая, скучная натуральность, отщепенность, бесцветность ланочности, которая была бы очень опасным симптомом для молодого автора.

Итак, беру на себя смелость рекомендовать Юрия Логина кандидатуру на членство для принятия его в члены Союза писателей Украины.

Леонид МАРТЫНОВ:

В первой книге Евгения Антошкина «Огниво» сказано:

Солнце выросло, словно арбуз.

А через несколько страниц в стихотворении «Лунная ночь» читаем:

И вот вытаскивает, как арбуз,
Изя-го-го-го-го луну.

Смешно. Но прочитав это стихотворение дальше, мы:

Заглянул не, как наполненный шлюз,
И тайн похитил, и тайн похитил,
И вот вытаскивает, как арбуз,
Изя-го-го-го-го луну.

И эта расованный белый бунт
Сражается с лунных вен.
И тени деревьев, нерася, бегут,
Нам змею по мирной траве.
И мучится стая осипших птиц
По занятиюно молчалью.
И кружится бабочка в цветах,
Роняя с крыльев пыльную
Луну, сошедшая тайный нос,
Обрызгала нарядный цветик,
И звезды, как пчелы, припали и росе
И пылу ее чистый сон.

По-моему, прекрасные стихи. Это в первой книжке Антошкина, вышедшей в 1965 году, в книжке, которая дана им, так сказать, для счета, чтобы было два. В новой, вышедшей ныне книжке, где перечислено и кое-что из первой, но той же книжке уже нет, но нет и прекрасного стихотворения «Лунная ночь», а жаль, что нет. Вообще же говоря, вторая книжка лучше первой, как, естественно, и должно быть. В новой книжке есть, на мой взгляд, очень хорошие стихи: о мышке, и о фотографу, и о Новороссийске.

Все эти стихи полны не рассуждений, а чувства. В стихах Антошкина присутствует настоящая поэзия. Принять его в Союз, по-моему, можно.

ПАРУСА НАШЕГО ДЕТСТВА

Владимир ГЛОТОВ,
Альберт ЛЕХМУС [фото]

Поздно вечером я сошел с троллейбуса на окраине Свердловска. Одиноким фонарем выхватывал из темноты какие-то заборы, сараи, полеником дров.

Зябкое чувство охватило меня. Попробуй найди тут человека.

Издав угла замирился подлински, и я, как за соломину, ухватился за его рукав.

— Может, знаешь, тут где-то Крапивин живет!..

Я отпустил его рукав и полез за записной книжкой, чтобы назвать адрес, но мальчишка, ко-

торому было не больше десяти лет, воскликнул:

— Славки!! Конечно, знаю! За тем большим

домом есть деревянный. Пондемо, я вас про-

вожну...

Он не сказал «Владислав Петрович», он с тоду

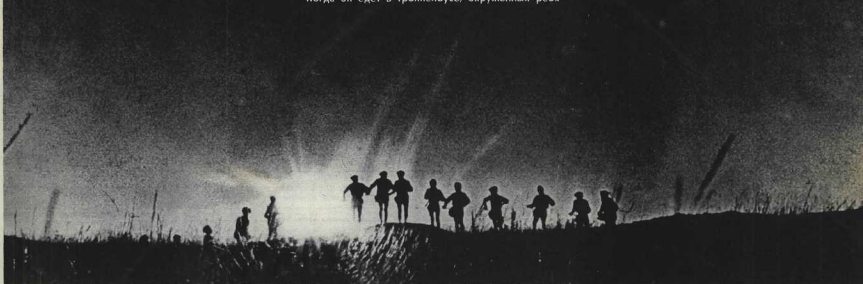
уничтожил дистанцию, которую мы, взрослые,

так потаенно чтили.

Взрослый среди детей... Высокий голубоглазый

блондин в морской куртке и фуражке с якорем.

Когда он едет в троллейбусе, окруженный ребя-

«СТАРЫЙ» МОРСКОЙ ВОЛК.

В КЛАУТ-КОМПАНИИ «КАРАВЕЛЛЫ» РОЖДАЮТСЯ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЫСЛЫ

тишками, люди глядят ему в спину с недоумением: «Чужак какой-то!»
Чужаки!

Крапивин упорно создавал в течение нескольких лет «ребячью страну». Он начал писать книги для детей гораздо раньше этого — «страна» появилась слева там, в книжках. Одна восторженная библиотечка, готовая монтаж, написала лозунг: «В. П. Крапивин — писатель светлой мечты». Но она не очень обращала внимания на то, какой нелегкой ценой это право на мечту героями завоевывается. И ей востое было не ведомо, что испытал сам автор, создавший воображаемый мир, когда идеями стал воплощать в жизнь на узком площадке.

Что такое «Каравелла»?
Много о ней сказано. Больше — восторженно. Идет человек, сшибает ногой булыжник, а потом вяду — «Раз!» — самородок.

«Красный уголок Крапивин делит с домкомом. Так сказать, «совместная территория». Я смотрю, как он машинально задвигает в угол карты с китайской розой, детской бильярд, стопку старых журналов — имущество домком, все то, что пылится здесь годами. Не стоит оставаться плакат. Три розовых, утиных машины стоят, прижавшись друг к другу плечами и окружив розетку. Потом, напоминая внешне херувимчики. И все трое вместе держат в руках одну огромную книгу. Надпись на плакате утверждает: «Октябрьта — дружные ребята, играют и поют, весело живут». Я смотрю на этот сонный плакат, а потом вяду очнулся. Вот они, киньше стеной к плакату в ладных морских рубашках с эмблемой «Каравеллы» на рукаве, а двое вышли на рыцарский подионик, и через мгновение зазвонит сталь кинолов.

— Люди! — говорит им Крапивин своим командорским голосом, в котором и ворчане и нотки юмора. — Салют надо отдавать вот так! Вот так это рапра, а не кочерга... К бою!»
Потом мы сидели в их собственной отрядной коммуналке. Днем ее оберегают вахтенные, а на ночь тщательно запирают и приносят ключ домком Крапивин. Это сердце их страны. Отсюда они

отправляются в путешествие. Тут рождаются замыслы удивительных событий, тут заседают капитаны, здесь принимают в отряд и судят предателей. Флотские книги отгораживают оные. Старинный штурвал, иллюминаторы и панорама океана. Огромный глобус, тяжелые якоря, рында, готовая издать пронзительный паратский сигнал. Мурашки идут по коже, когда оглаждаются строгие отрядные знамена, причудливые раковины и камни, морские карты и книги. И тоска о собственном детстве среди заурядных хоккеев, домашних столов, где жалкой радостью было погостить по переулком в «казин-разбойники», подкапывать комком к горлу.

Упрямый человек Крапивин... Между железными подвесчиками, поддерживающими шесть свечей, он вывел на алой стене белыми буквами «Каравелла» и слова Маршака — злиграф в такой вот жизни.

«Когда, наи темная вода,
Лихая фляга беда
Вышла тебе по гурав,
Ты, не слониля голову,
Смотрела в прорезь синьны
И продолжала путь!»

Кто такой Крапивин? Писатель? Педагог?

Педагог найдет в нем немало полезного для себя. Вожатый увидит идеолога детского движения. Я долге с ним говорил о ребячьих отрядах, и как-то заблылось, что Крапивин — писатель.

Он лежал на диване в старых брюках, измазанных масляной краской. Ему нездоровилось, он кашлял, просил извинения, поглядывал в окно: там, как раз напротив, вверх дном проломилась старая шлюпка и несколько мальчишек греди на костре в консервной банке олифу. Самодельными кистями из тряпок, намоченных на пальцы, они смазывали дырку, весело о чем-то переговариваясь. Слов не было слышно. Мальчишки баловались, топтали друг друга...
— Вы хотите понять, почему ребята стремятся в такие отряды, как наш? По-моему, потому что в них они равные среди равных. Они могут жить не по укладу старших, а как бы ретранслировать свою будущую взрослую жизнь. Эти юные личины хотят чувствовать себя такими организацими, которая была бы по их ребячьим законам... Вы можете мне объяснить? Начинается самая разо-

стная летняя пора, время походов, романтики и тому подобной, истинного «Пионерский сортовой» а пионерские отряды-классы перестает существовать. Тогда проводится игра «Зарица»: в марте и в апреле, когда работают школы. Но в апреле еще нельзя строить бандины и форсировать репинии — мальчишки с настоящими автоматами! Кто этот Меньшиков, собранный в Артеме. А где в это время остальные? А бог его знает! Там. Если бы я был социологом, я подсчитал бы, сколько классных руководителей идут с ребятами в лагерь. И сколько из них при этом перестают быть классными руководителями, а становятся вожатыми. Но я не социолог, я просто вижу, что летняя жизнь превращается в те же уроки... Вас интересует, почему мальчишка порою предпочитает чувствовать себя в жизни зрителем, с удовольствием созерцать, а участвовать не хочет? А вы скордите а школу на уроки литературы, когда ребята будут рассказывать о Кормянина или Володе Дубинине. Вы услышите «они учителя! «Иванов! Что ты там вертишь!» А ну, марш из класса!» И у вас на глазах мальчишка, свесив голову, униженный и скрывающий свое унижение за бравадой, протыкает в носик дог. Догдывается, что придет ему из ум в эту минуту? Ну да мне до Дубинина и Кормянина, если меня вот так, зарпосто: «Вон из класса!» И все лучительные истории будут жить для него те же, в каком-то моем измерении. Вы спрашиваете об античности? А много вы найдете педагогов, которые бывають счастливы, когда ученики с ними спорят? «Мал еще!» — то и дело обзывают ребята. — Слушай, бы что говоришь? Что тамне люди воспитывают? Античность? Нет, подчинение. Дети очень точно умеют имитировать взрослых, подражать им. Это пора бы понять...

Он вяду сразу как-то умолк, прилег, закрыл глаза. Я бы не оценил этого гуманистического монолога — говорил он все умнее, — если бы за словами, за раздражением, в котором чувствовалась усталость, не стояла маленькая, затерянная в пространстве, но воплощенная мечта.

Если не принимать во внимание ребяташек, окружающих Крапивина, можно сказать, что он живет уединенно.

Но вот ребяташки... Утром нас разбудил телефонный звонок. «Славик, это я...» — пропигала в трубку онекто Вадька, окаяственная личность, как сказал Крапивин. Он поговорил с ним, а потом как-то по-женски, как домохозяйка, заулыбаво проворчал: «Трудовой день начался...»

Потом в течение дня у него под оинком много

КАК СКАЗАЛ КРАПИВИН: «ВАДЬКА — ИЗВЕСТНАЯ ЛИЧНОСТЬ...»

ПОД ЭТИМИ ПАРУСАМИ УХОДЯТ МАЛЬЧИШКИ В ПОХОДЫ. УХОДЯТ В СВОЮ МЕТЧУ.

раз появлялись разные ушастые голопопки. Бросая палку на гвоздик в стене — ни в адром, доме не видел столько гвоздей-валялок в коридоре, — с достоинством флаг-капитан прошёл Сергея Новоселов, ветерана.

Кривоши встретил его словами:

— Слушай, ты у меня замал биографию Грина, да? И не записал!

Сергея, невозмутимо спокойный парнишка, открыто наслаждался суетой командора, с несобойной артистической ужимкой, в историю он вложил все свое эстетство, произнес:

— Ну, ты же знаешь, Славик, мою честность! Утром вместе с несколькими ребятами из старшей инструкторской группы мы уходили в плавание. Их собрали по палочке, по сигналу тревоги. Кривоши стоял в огромной кожаной куртке, в резиновых сапогах, похаживал на рыбьих нин на шнелера.

Все мальчишки были в сборе и с унылым видом и явным пренебрежением «взрослых» людей ждали, пока Гошка, рынговатый всесмысленник с монополюшам на носу, объяснит по телефону с родителями.

Гошка, откровенно и прикрыв трубку рукой, говорил со слезами в голосе: «Мама! При чем тут испанское куртуку? Я же в плавание уезжу, вокруг острова... Мама! Это не развлечение, это работа!»

Кривоши, когда Гошка повесил трубку, пошел к нам, спросил:

— Гоша, ты не можешь мне объяснить, почему чем старше ребята, тем больше над ними дрожат. Я выхожу сейчас Вовку Хмельницкого, третинадцатилетнего, и он будет здесь через десять минут. А тут — ах, у него куртка новал! Ах, он же ей бытность кака-то... Вечная спелуция на отряде. И что за постановка вопроса: «Мама, можно я поеду? Судьба плавания зависит от того, разрешит мама или не разрешит!»

Гошка вздохнул.

— Мне это самому надоело.

— Уме два года твои родители знакомы с нашим уставом... Кривоши советует повернуться к остальным ребятам... Почему взятный сегодня опоздал на полчас? Он, видите ли, думал, кто и девяти! Прям, думают они всегда, как правило, в одну сторону — нам опоздать... Игорь просил, у Гоши новая куртка. У тебя, кстати, под курткой ничего нет?

Под курткой была одна рубашка.

Я сказал свою свистер, и мы с Кривошиным нап-

лили его об отбывшего Гошу. Был холодный, но редкой ясности день. Быть может, последний день непогоды. Я почувал: ни одна ласта уже не бороздит в эту пору, и преддверие зимы, уральские вороды. Лишь наш парус пересек галаксию водной глади. И Гошка упрямил нас.

— Ты осознать, на что пошел сегодня! — крикнул ему Кривоши свисток ветра, когда Гоша сасал ластой бороздину.

— Осознаю!

— Но ведь тебя дома отлучат...!

— Наверное...

Меня поражало в нем это умение разговаривать с детьми о самых главных вещах — просто, без малейшей фальши. Он никогда не подделывался эпод ребенка и не впадал величаво.

К нему как-то пришел за книжкой мальчишка-сосед. Парень этот был прежде у него в отряде.

Сосед копался на полках, разглядывая потерянные корешки. Потом окончательно вынул одну книжку. Кривоши взял тетрадку и ручку в форме гусиного пера. Разговор при этом протекал такой:

— Слушай, а почему Вову Головина не приняли в пионеры?

— Сосед, толстый и розовощекий, сидел в кресле, загнув ногу на ногу. Сторо, как взрослый, сказал:

— У него с учебой плохо!

— А ты знаешь, что за личность Вова Головин? Сильнее у них детей в семье? У него три брата и шесть сестер. Ты посмотри, он ростом с семилетнего, а ему десять лет. Ему у нас постоянно говорят: «Ты двоичник! Такой-слихой! Только попал и нам в отряд, он почувствовал себя человеком... Ну давай мы будем так рассудать: его в пионеры не примут...»

Парень обижено надул губы. Еще больше покраснел. Перебел:

— У него поведение плохое. Вертится на уроках...!

— Ну, а ты не вертись!к! Вспомни, сколько раз я ходил в школу кэза такого времени... А теперь возьми: сколько у вас пионеров хуже Головина! Их что-нибудь исключат из пионерской организации?!

— Нет.

— А нельзя ли подоить к Головину с большой долей теплот?

Мальчишка поднял голову, насторожился.

— Поверить ему, да?

— Да не в этом дело! Надо подковать и издему по форму...

Кривоши встал, взял из рук парнишка книжку.

— Я не тебя хочу убавить. Я хочу, чтобы ты эту мысль высказал на совете дружины. А что

касается Вовы Головина, то судьбу его теперь будем решать мы. Поскольку он пришел и нам.

— Да, круто обобщил... Сосед вздохнул тяжело. Последней еще с минуту, встал.

— Ты лучше скажи, как вы можете терпеть этого Лукинова с дружиной? Они держат в страхе всю школу, стоят на лестничных клетках, выворачивают у мальчишек карманы, ощупывают, выбирают себе ринки...

— Я записал в свещию классической борьбы родители тебя и оттуда выгнать. Там тебе нужна дисциплина. Пропустить занятия нельзя... Одну книжку выбрал себе?

— Запишу... Значит, «Магелланово облако».

И, распрошавшись с мальчишкой, посевая в спокойной его душе с о м и н и м е, Кривоши своим гусиным пластмассовым пером отметил в толстой клеенчатой тетрадке, какую книжку взял сосед. И будто зарубка на дереве осталась. Напомнит ли она ему когда-нибудь об этой минуте жизни? Оставит ли след в душе маленького человека, который только что, перешагнув через шевка Бимса, ушел!

Если не принимать в расчет всех этих Вовок, «Ачуло», Гошек и прочих личностей, Кривоши действительно живет уединенно, на окраине, в домике, похолом на двухэтажном скворечнике, — за него на его начинается лес.

Утром он отворачивает в сторону рынчатый господ, удиривающий стенку секретера. Она падает и открывает доступ к единственному его бесспорно личным вещам — к ружьишкам. Остальное: книги, модели кораблей, значки, марки, шенки Бимс, магнитофон — трудно сказать, его ли только собственности?

Но ружьишко пока его... Он достает общую тетрадку в клетку, ложится на диван и карандашом (ломает, потому, что его можно грабить!) пишет мелким почерком повести про мальчишек.

Его книги — страна мальчишек. Уходящий полукругом вправо и влево песчаный берег, плотно насыщенный «сбобитими» и омываемым темносиним морем снадежд. Под свежим ветром, гордо запрокинув голову, всматривается в даль выгоревшим глазами светолобовый мальчишка. Солнце выдалово было на худых плечах. Тревож-

ными шорохами и тяжкими вздохами. Земная жизнь напоминает ему о себе. Но взгляд устремленный вдаль, как луч лазера, связывает детство с мечтой. И до разлуки еще далеко.

Мальчишки в повестях Крапивина — застенчивые, деликатные. Но все что-то ждет попробовать, испытать. Странные дети. Не мальчишки, а маленького роста люди — личности. И потому удары ненужных разлук, каленых обид и тайных предательств так остро ими судимы.

Читая повести Владислава Крапивина, в общедельное настроение, черту героев. Наверное, каждый из них мог бы сказать: «Все, что есть в моей душе, открыто для тебя. И ты, поэзия, можешь стать моим товарищем. А не принимайся — ступай мимо».

...Живет большой добрый человек. Защищает право мальчишки на свой внутренний мир. Напоминает взрослым: чтобы сохранить себя как личность, не стоит забывать своего детства — это не игрушки. Это серьезная вещь.

Жизнь писателя Крапивина проходит не за одним писательским столом. Волнения его не одни мук творчества, милая дошкольная жор детства, где со злом борется бесстрашное перо.

За стенами его дома неша сложная жизнь. Вои «общественники» до сих пор не могут понять, что же, собственно, делает этот Крапивин. Его мальчишечьи похождения в школах — выпускать стеногазеты, защищать малышей, крутят для всего района фильмы, которые сами создают, а недобрый глаз заглянет в окошко: «Вонкут морские узоры. Надо же...»

Но какое-то время даже отбараули у писателя «красный уголок», расположили в нем свой клуб «Самозвонки», вырезали с девчачьими цветочками из бумаги, а потом женщина оставалась и малы за ними полье. Крапивинские ребята, отнесенные в крохотную коммуналку, хохотали: «Что это за организация!»

Дважды в трудную минуту, а пору душевного кризиса. Крапивин пытался расстаться с отрядом. Лучшие ушли на вершине, а расцвела сир, в разгаре дел, чем на медленном угасании.

Со строгими, неадекватными лицами, выровняв строй, стояли на линейке ребята. А Крапивин поодернуто строго говорил им: «Выполнена программа... все сделано. Летом наберется команда для парусников... А пока вы свободны».

И дважды, как по цепочке, один за другим, мальчишки собирались на спелевоходный день... И находил в себе новые силы их командир. Вот в такие, наверное, вечера были написаны прозаиком Крапивин стили, забытые утром на столе. Их нашли и переписали мальчишечьи руки и унесли с собой. Ребята так и сказали мне: «Пусть Славик считает свои стили не серьезным делом. У нас оно аниче».

О Крапивине можно сказать тремя словами: он просто талантлив.

Сколько у нас кружков, объединений, отрядов, где любят ребят не меньше, но которым не суждено подняться на высоту «Каравеллы». Она же освещена талантом этого человека. Происходило сопереживание с личностью одаренной. Я видела, как простая шутка, детская глупость и игра, любя фраза, сказанная им, — все поднималось до уровня художественного произведения. Заодно уроня художественного произведения. Заодно его рассказы ребятам — выйдут сборник. Он возьмется рисовать — отлично рисует. Попала в руки деревяшка — получился симпатичный пират.

Что же происходит!

Расхождение талантов... И это тянет к нему люди. Не одна лишь доброта и отзывчивость — он бывает зол и раздражителен. Людям нужна еще незаурядность.

Но что дает писателю Крапивину «Каравеллу»? Книги он пишет не об отряде. Отряд для него не плантация, не заводчик.

Быть может, он сохраняет в нем огонь вдохновения! Рабочую ступень...

На отстойнике всех моих встреч с Крапивиным меня не оставляло чувство, что с этим человеком связана какая-то загадка. Мне казалось, что, кроме природной тяги к ребятам, Крапивинский движет еще некая осмысленная цель. Его участие в нашем сегодняшнем мире проявляется — в книгах и в жизни — в новые отношения.

Детские писатели — это люди с секретом. Его однажды раскрыл нам Гайдар: «Пусть потом, когда-нибудь, люди подумают, что вот жила такая люди, которые из хитрости назывались детскими писателями. На самом же деле они готовили красноречивую крепкую гвардию».

Рисунок Николая КАЛУГИНА

— НЕ ВИЖУ РАЗНИЦЫ МЕЖДУ КЛАССИКОМ И СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бульварный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВКИ: 253-30-87

Сдано в набор 10/У 1971 г. А 09090. Подписано в печ. 28/У 1971 г. Формат бум. 70x108/4.
Усл. печ. д. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 1126. Заказ № 1315.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции. «Изопрографический отдел» «Издательство «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ТСП, ул. «Правды», 24.

МЫ ЕЩЕ НЕ СТАРЫЕ

Слова Феликса ЛАУБЕ
Музыка Алексея ЧЕРНОГО

Знакомы бульварами
Мы в нашу школу бегали,
Пылал багряный заревою,
Травонный горизонт...

Тушлим закижки мы
И не всегда обеды,
Писали треугольником
Отцам своим на фронт...

Припев:

Нет, мы еще не старые,
Но бродит тем не менее
Знакомый бульварам
Другое поколение.
И вроде бы помню мы
Но как, войны не знавшие,
Но нами больше прожито,
Мы чуткою вчерашние.

Травяной мы заглав «Аннушкино»,
А за спиной у Пушкина

Среди бульварной зелени
Стоят азарты...

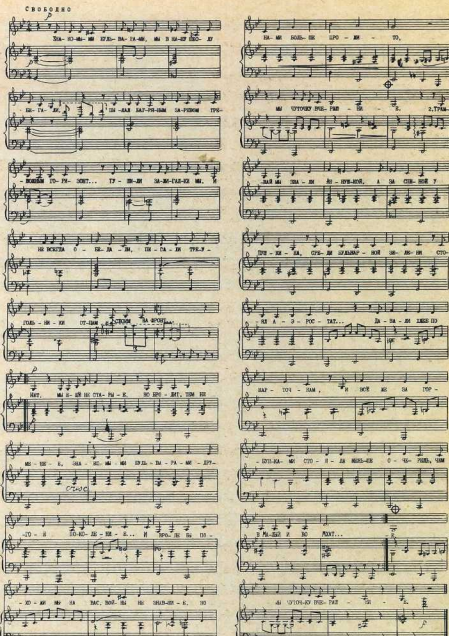
Давали хлеб по карточкам,
И все же за горбушками
Стояла меньшая очередь,
Чем в Малый и во МХАТ...

Припев.

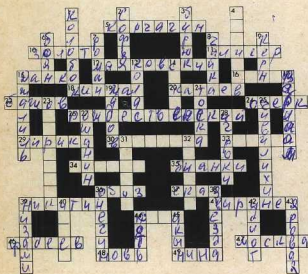
В тарелке репродуктора
Угаса пал про Берду,
И про Антошу Рыбкина
Посудую шло кино...

Теперь нам тридцать с хвостиком,
И бродим мы по городу,
Недавно стали взрослыми
И вроде бы давно...

Припев.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Герой романа М. Островского, 10. Роман Б. Пастернака, 11. Автор поэмы «Зоя», 12. Советский поэт, лауреат премии Ленинского комсомола, 15. Персонаж рассказов М. Горького «Старуха Изергиль», 16. Командующий армией в пьесе А. Корнейчука «Фронт», 18. Стихотворение М. Ю. Лермонтова, 19. Автор повести «Беллет парус одинокий», 22. Советский писатель, 24. Вид повествовательной литературы, 26. Автор поэмы «Писарев в Тридцатый век», 29. Род художественной литературы, 30. Произведение Ф. В. Гюгено, 33. Трилогия А. А. Каравая, 34. Советский поэт, автор поэмы «Республика Бессмертия», лауреат премии Ленинского комсомола, 35. Советский писатель, автор «Лесной газеты», 36. Басня И. А. Крылова, 37. Жанр народного поэтического творчества, 39. Русский поэт, 41. Повесть Л. Н. Сейфуллиной, 44. Сестра Протасовой в пьесе Л. Н. Толстого «Иванов труп», 46. Автор романа «Молодая гвардия», 47. Литературно-художественный журнал, 48. Роман М. Горького, 49. Действующее лицо драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад».

По вертикали:

1. Русская народная сказка, 2. Сестра Зынова в пье-

- се М. Горького «Зыновы», 3. Рассказ И. С. Тургенева из «Дансион охотника», 4. Русский прозаитель, журналист XVIII—XIX веков, 5. Драматургский поэт, упоминаемый в «Слове о полку Игореве», 7. Литературный жанр, 8. Роман М. Бирюкова о комсомольце-партизанке В. Фамининой, 9. Повесть М. Горького о партизанке, 10. Автор повести «Доблестный вояка», 11. Народный поэт Беларуси, 14. Литературный писательница, 15. Татарский поэт, герой Советского Союза, 17. Действующее лицо трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», 18. Персонаж комедии А. М. Островского «Доблестный вояка», 21. Рассказ А. П. Чехова, 23. Стихотворение Н. А. Некрасова, 25. Советский писатель, автор повести «Серебряные рыбки», лауреат премии Ленинского комсомола, 27. Советский поэт, автор «Гимна демократической молодежи мира», 28. Комедия Н. В. Гоголя, 31. Командир полка партизан в пьесе Б. М. Бронзова «Бронзовый 14-69», 32. Литовский писатель, 36. Герой романа А. С. Пушкина, 38. Повесть Э. Казакевича, 39. Азербайджанский поэт, писатель XII—XIII веков, 40. Фамилия поэта-романтика Д. Фурманова «Чапаев», 42. Роман Ф. М. Достоевского, 43. Герой пьесы М. Горького, 44. Роман Л. Леонова, 45. Народный поэт-певец в Казахстане и Иргизии,

Составил С. ЕГОРОВ,
г. Москва

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали:

1. Голдурори, 5. Комаров, 6. Сметана, 9. Баян, 10. Указ, 11. Гигиена, 15. Пачит, 17. «Голубов», 18. Сит, 19. Котомария, 22. Ныль, 23. Андрей, 24. Тит, 27. Онегин, 28. Твардия, 29. Тати, 31. Гравюра, 32. Печенки, 33. Незлобуца.

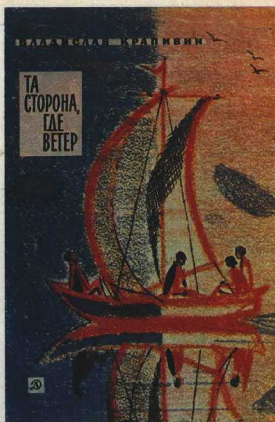
По вертикали:

1. Графиня, 2. Ленок, 3. Роман, 4. История, 5. Кисляк, 7. Алгебра, 8. Охотничье, 10. Угитменно, 12. Австралия, 13. Черешня, 14. «Нордштетт», 16. Троица, 18. Савит, 20. Ступен, 21. Странник, 25. Притчи, 29. Овсянка, 29. Торец, 30. Исход.

ЖИВЫЕ ГЕРОИ СТРАНЫ ДЕТСТВА

БРАТ, КОТОРОМУ СЕМЬ

Книжка пришла и читателю. За ее обложкой — целый мир, и юный читатель, ставшись его участником, взволнованный судьбою героев повести или рассказа, стремится выразить свои чувства. Один находит для этого слова и пишет писателю письмо. Другой борется за карандаш.

Что рисуют дети? Весь оживающий мир и вселиские дали. Только на этих рисунках и Земля и Вселенная выглядят несколько иначе, чем представляют себе взрослые. Еще не облетные дали Вселенной кажутся теплее и доступнее, а люди, птицы и звери очаровывают своей необычностью, добротой, опрашенные в самых привычных и явном наизум с которыми являе соперничать разве что солнечный день.

Действительность, воплотись в причудливую фантазию маленьких художников, безраздельно владеет ими. Современники, ставшие героями книг, могут только в одном случае надеяться быть запечатленными в детских рисунках: если исчезнет дистанция между литературными героями и живыми мальчишками и девочками.

Именно так произошло с героями Вячеслава Крапивина. На встречах со своими читателями он получает из зала не залпы, а... рисунки. Новые жизнью живут любимые герои детворы. И это ли не лучший комментарий и очерку о писателе? (См. стр. 28—32.)

